

2017 № 3

Андрей ВАССОЕВИЧ

Александр КОНДРАШОВ

Леонид ПОЛЯКОВ

Андрей РОГОЗЯНСКИЙ

Святослав РЫБАС

ЕТРАДИ

Русской
экспертной
школы

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 3

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

Т37 Тетради Русской экспертной школы № 3 : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 100 с.

ISBN 978-5-98604-626-6

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных позиций, обсуждавшихся на семинарах Школы в марте и апреле 2017 года. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: как в западной философии возникли идеи о привилегиях меньшинств, где граница, после которой либеральные идеи перерастают в бунт против вероучения и порядка, в каком нравственном состоянии находилось русское общество накануне 1917 года и что такое неоколлаборационизм.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-626-6

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А. , 2017.
© «Пробел-2000», 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

Л. В. Поляков

Власть меньшинства.

Истоки идей о привилегиях меньшинств в западной философии 5

А. Б. Рогозянский

Православие и либерализм 23

С. Ю. Рыбас

Серебряный век и нравственное состояние общества
накануне 1917 года 51

А. Л. Вассоевич

Коллаборационизм и неоколлаборационизм 64

А. И. Кондрашов

Телевидение и нравственность 81

Эксперты номера

Вассоевич Андрей Леонидович

профессор кафедры политической психологии СПбГУ,
политолог, д-р филос. наук, канд. ист. наук

Кондрашов Александр Иванович

писатель, редактор отдела «ТЕЛЕВЕДЕНИЕ»
«Литературной газеты»

Поляков Леонид Владимирович

заведующий кафедрой общей политологии факультета
прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики»,
д-р филос. наук

Рогозянский Андрей Брониславович

философ, публицист

Рыбас Святослав Юрьевич

председатель совета директоров Русского биографического
института, член Общественного совета при Министерстве
культуры России, писатель-историк

ВЛАСТЬ МЕНЬШИНСТВА

Современные идеи о привилегиях меньшинств имеют достаточно глубокие основания в западной философской мысли. Начнём с самого понятия «меньшинство» и с феномена власти этого меньшинства. К рассмотрению этой темы можно подойти с нескольких сторон.

Известно, что, несмотря на декларируемую власть большинства в современных либеральных демократиях, все они реально функционируют как те или иные формы олигархии, то есть как власть меньшинства, основанная либо на престиже, либо на социальном статусе, либо на деньгах. В современных демократических обществах внешняя форма скрывает это содержание, и обычно оно не проявляется, но чётко фиксируется всеми аналитиками, которые серьёзно изучают политический процесс в современном западном мире. Это первая форма власти меньшинства, которая всегда оспаривается, которая всегда заподозривается, против которой ведётся постоянная борьба, проявляющаяся в самых разных формах, вплоть до карикатурных. Например, во Франции, один из кандидатов в президенты, лидер партии республиканцев Франсуа Фийон, был вынужден вернуть своему другу два костюма, ранее полученных от него в подарок. Ему пришлось это сделать, потому что на этом основании против него развернулась целая информационная кампания, утверждавшая, что получение им двух костюмов — это форма взятки.

Есть и другие формы власти меньшинства. Благодаря тому, что в западных либеральных демократиях существует свобода создания партий и политических организаций, в выборах обычно участвует довольно большое число различных партийных объединений. Свежий

пример — недавние выборы в Нидерландах, в которых принимали участие более 20 партий, 11 из которых набрали от 5 до 18% голосов избирателей. Вследствие такого положения вещей парламентское большинство зачастую состоит из коалиций нескольких небольших политических партий. Поэтому каждый раз, когда в правительстве, сформированном этой коалицией, принимается то или иное решение, оно всегда оказывается компромиссным. Таким образом, даже небольшие партии могут оказывать существенное влияние на принятие судьбоносных для страны решений, а если предложенный проект постановления партию не устроит, она может отказаться за него голосовать, может выйти из состава правительства. Бывают ситуации, когда это действительно происходит, и тогда случается правительственный кризис, назначаются внеочередные парламентские выборы и формируется новая коалиция. Самый яркий этому пример — послевоенная Италия, в которой с 1945 года сменилось уже 61 правительство. То есть за формой, когда голосует и принимает решение парламентское большинство, скрывается содержание, в котором реализуется власть того или иного меньшинства. Эта власть выражается в том, что именно позиция меньшинства оказывается решающей, и, если она не будет принята во внимание, вся коалиция рухнет, наступит правительственный кризис и придётся проводить новые выборы.

Описанная ситуация власти меньшинства характерна для парламентских республик, но и в президентских республиках мы можем обнаружить проявление власти меньшинства, хотя и в другой форме. Известно, что в США двухпартийная политическая система, хотя на деле в этой стране существуют и участвуют в выборах около 30 политических партий. Так исторически сложилось, ещё со времён основания этого государства, что в нём всегда есть две доминирующие партии, и другим партиям проникнуть во властные структуры практически невозможно. Есть специальный термин, который хорошо характеризует политическую систему США, — «дуополия», безоговорочное доминирование двух партий. В системе политической

дуополии право на власть практически всегда разыгрывается между либералами и консерваторами, которые представлены соответствующими партиями. В случае с США либералы — это демократическая партия, консерваторы — республиканцы. Обычно они делят между собой электорат приблизительно в пропорции 35% на 35%. Оставшиеся 30% — это неопределившиеся, колеблющаяся масса, которая периодически голосует то за демократов, то за республиканцев, в зависимости от политической повестки дня. Таким образом, победа на выборах либо демократов, либо республиканцев всегда означает, что у победителя есть лишь *временное* большинство, которое может быть утрачено уже на следующих выборах. Можно возразить, что это как раз и есть настоящая демократия — власть народа, который свободно сменяет своё правительство, если оно его не устраивает. Но дело в том, что в такой системе не предусмотрено досрочных выборов, и даже если правящая партия теряет поддержку большинства, она всё равно продолжает оставаться у власти до определённого срока, хотя на деле она уже выражает позицию меньшинства.

На начало 2017 года в США сложилась достаточно редкая ситуация: все три ветви власти контролируются республиканцами. У них большинство в обеих палатах Конгресса — в Палате представителей и в Сенате. Президент Дональд Трамп тоже представляет республиканскую партию, несмотря на то, что фактически он начинал президентскую гонку как независимый кандидат. В Верховном суде, где заседают девять судей, у республиканцев перевес в один голос. То есть можно сказать, что республиканцы имеют абсолютную власть на федеральном уровне, а значит, опираются на народное большинство. Но в действительности это не совсем так. Во-первых, в США действует особая система выборов главы исполнительной власти — президента. Его выбирают не большинством голосов всех граждан США, а большинством голосов в каждом из 50-ти составляющих федерацию штатов. И с Дональдом Трампом, как в своё время и с Джорджем Бушем-младшим, сложилась ситуация, когда он выиграл выборы, получив меньшее

количество голосов в общенациональном масштабе, чем конкурент-демократ. Это очень яркий пример проявления власти меньшинства в стране, которая первой начала строить современную демократию, в стране, которая считает, что именно она призвана указывать путь политического развития всему человечеству. Однако если президент США Дональд Трамп представляет фактическое меньшинство, то отношение к нему «проигравшего большинства» вполне предсказуемо. Оно не считает Трампа «своим президентом». Как правило, в США к новому президенту в первые 100 дней его срока относятся с максимальной терпимостью. Но сейчас мы видим совершенно обратную картину: каждый день новая проблема, новый взрыв общественного недовольства, новый протест тех или иных меньшинств. Чего только стоит один знаменитый «Марш женщин» против Трампа, когда женщины вышли в розовых шапочках со словами, которые неприлично воспроизводить в любой аудитории (хотя в Америке это не считается чем-то из ряда вон выходящим).

Подведём краткий промежуточный итог. В современных западных демократиях, декларирующих власть большинства, фактически обнаруживается завуалированная власть меньшинства. Она проявляется в трёх формах: власть меньшинства олигархической природы; власть меньшинства в парламентских республиках, где коалиции формируются из нескольких партий и где очень часто решение принимается только потому, что одно из меньшинств настаивает на нём под угрозой выхода из коалиции; власть меньшинства в республиках президентского типа (США как самый наглядный пример, где существует двухпартийная система, обеспечивающая лишь *временное* большинство).

Перейдём теперь к власти меньшинства, которая носит иную природу. Она может быть обозначена как власть социокультурных меньшинств, то есть меньшинств, которые образуют отдельные социальные, этнические, сексуальные, религиозные и прочие «культурные группы», претендующие на то, чтобы оказывать политическое влияние

на власть. В данном случае мы будем говорить о власти меньшинства, которое претендует не просто на законность, но и на моральную легитимность. Такая власть уже не маскируется под власть большинства, она прямо утверждает, что меньшинство имеет властное право именно потому, что оно — меньшинство. Как же возникла эта идея, идущая явно вразрез с философской и политической аксиоматикой современной либеральной демократии? Ведь эта аксиоматика утверждает неотъемлемые права человека и представляет общество как сумму равноправных индивидов, принимающих решения *большинством* голосов.

Для того чтобы понять эту дилемму, начнём издалека. В средневековом феодальном мире, в его социальной и политической практике, такое понятие как «права человека» отсутствует. Представление о людях как о равноправных членах сообщества существует в этот период только в одном специальном смысле — в христианском. Согласно максиме христианства, все люди равны между собой перед Богом, поскольку они созданы по образу и подобию Божьему. Существует представление о том, что каждый человек являет собой конкретное воплощение того или иного социального статуса, того или иного социального сословия, той или иной социальной корпорации. Не существует «человека вообще», а существует крестьянин, причём разного типа крестьянин (зависимый, независимый), существует ремесленник, который состоит в той или иной городской корпорации, существует дворянин и т. д. Так, именно корпоративное положение ремесленника наделяет его определённым набором прав, и, до тех пор, пока он находится внутри этой корпорации, он обладает этими правами. Как только человек выпадает из этого корпоративного устройства, он превращается в изгоя, социальное ничто. Это даже не «бомж» в современном понимании, это гораздо хуже. Мы в нашем современном обществе не перестаём терять уважение к человеку без определённого места жительства, даже при всей возможной брезгливости и всем, с чем это может быть связано. Мы понимаем, что это такой же человек, как и мы сами, имеющий такое

же достоинство (это очень важное слово, мы вернёмся к нему позже) и не потерявший свои основные социальные и политические права. В социальном мире Средневековья, в феодальном мире, человек, выпадающий из своего сословия, фактически превращается в ничто, и самый наглядный тому пример — знаменитое английское «огораживание», о котором часто говорят, что «овцы съели людей».

Здесь можно вспомнить и ещё один пример — традиционное индийское кастовое общество. В сегодняшней Индии точно так же, как и сотни лет назад, существуют 4 основные «варны»: брахманы (священники), кшатрии (воины), вайшьи (ремесленники), шудры (слуги), и ещё множество промежуточных каст между этими четырьмя, а также каста «неприкасаемых». По всей видимости, идея о том, что человек изначально маркирован принадлежностью к определённой социальной группе и обладает правами только в силу того, что он имеет коллективную, а не персональную идентичность, очень глубоко укоренена в индоевропейской культурной традиции.

Ситуация меняется, когда в середине или, по некоторым оценкам, в начале XVIII века начинается эпоха Просвещения. Что такое Просвещение? На этот вопрос в том же веке оригинально ответил философ Иммануил Кант: «Это выход человечества из состояния несовершеннолетия, в котором оно находится по собственной вине». Красивая и остроумная формула, но оставляющая в стороне смысл самого термина. Ведь буквально «просвещение» означает «внесение света во тьму». Казалось бы, такая глубоко христианская метафора. В Библии, в книге Бытия, можно прочесть: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Но на самом деле, то, о чём говорили лидеры Просвещения, — это антихристианская метафорика, потому что, согласно их логике, тьмой является предыдущая эпоха — Средневековье. Неслучайно потом в историографии, в первую очередь в западной историографии, эта эпоха имеет название не только «Средние века», но и «Тёмные века». Но какова причина этого «затемнения»? С точки зрения идеалов Просвещения, главная причина — в религиозности. То

есть вера в этом представлении — это то, что затмевает, не несёт свет, а то, что закрывает человеческий разум и лишает его способности видеть мир таким, каков он есть на самом деле.

Вместе с эпохой Просвещения (то есть вместе с освобождением разума от пелены веры) приходит идея, согласно которой нужно обратиться к человеку как таковому. Вместо того, чтобы в каждом человеке видеть проявление его корпоративной, социальной, групповой природы, нужно смотреть на человека как на уникальное существо, обладающее набором неотчуждаемых прав, поскольку человек является высшей ценностью сам по себе. Это вполне логичный вывод, потому что в десакрализованном мире, в котором отпадает трансцендентная вертикаль, в котором исчезает само представление о том, что человек есть творение Божье, и только в силу этого он обладает определённым достоинством и равенством со всеми остальными, ничего иного не остаётся. Из этого просвещенческого представления о том, что человеку присущ набор неотчуждаемых прав, и рождается радикальная политическая программа свержения «старого режима». Представление о человеке как о носителе неотчуждаемых прав влечёт за собой радикальные политические решения, революционные решения. Прежний порядок попадает под подозрение именно потому, что он является формой угнетения человека. Если в Средневековье никому не приходило в голову на основе того, что существует реальное социальное неравенство, делать вывод о необходимости политической революции, то теперь такая необходимость логически выводится из представления о том, что есть человек со своими неотчуждаемыми правами.

В то же время не будет лишним отметить, что в Средневековье классики западноевропейской схоластики и даже святые Католической церкви (например, Фома Аквинский) прямо утверждали право народа на свержение государя в том случае, если он превращается в тирана. Это значит, что в самой христианской традиции уже были заложены два ключевых момента: отношение к каждому человеку как к

равному на том основании, что каждый человек есть творение Божье, и право каждого человека и всех вместе как народа, в случае, если государь превращается в тирана, восстать против него. Станным образом эти два представления были перенесены в постфеодальную, постсредневековую просвещенческую эпоху, но перенесены с совершенно противоположным смыслом. Потому что, если в традиции христианского Средневековья говорилось о достоинстве человека, связанном, прежде всего, с его божественным происхождением, и отношение к государю как к тирану основывалось именно на том, что государь забывал заповеди Божьи (а государь в средневековом представлении был вдвойне ответственен за свою власть и перед Богом, и перед народом), то в перевёрнутой логике Просвещения всё происходит наоборот. «Бога нет — всё позволено». Вот эта знаменитая формула, выраженная Достоевским, формула, отражающая логику Просвещения и означающая, что во имя человека, который обладает неотчуждаемыми правами, может быть совершена социально-политическая революция.

Именно это и происходит в 1789 году во Франции, в результате чего появляется официальный документ, который впервые в человеческой истории фиксирует права человека и гражданина. И в этом глобальный смысл Великой французской революции. Это действительно глобальный гуманистический переворот, первое официальное признание того, что есть человек, ради которого всё можно (и должно) делать. Во второй статье «Декларации прав человека и гражданина», которую Учредительное собрание Франции приняло 26 августа 1789 года, говорится: «Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». В представлении просветителей, которые идейно подготовили Великую французскую революцию, это квадрига базовых человеческих прав. Признание этих прав знаменует собой рождение проекта либеральной демократии.

Либеральная демократия — композиция из двух составляющих: первое — это признание свободы личности и гарантия её прав, второе — это власть большинства. Можно сформулировать иначе: либеральная демократия — это власть народа, а сам народ реализует свою власть через решение большинства, как это обосновано в трактате Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре», одном из ключевых документов просвещенческой эпохи. Знаменитый парадокс Руссо заключается в том, что если большинство принимает решение, то оставшиеся в меньшинстве должны принять это решение как своё собственное. Потому что, если люди заключили общественный договор, образовали общественный союз, значит, они делегировали свою личную волю тому, что называется «общая воля». А общая воля, воля народа — это не просто «глас Божий», это то, что никогда не ошибается. И если кто-то оказался при голосовании в меньшинстве, то он должен себя уговорить, должен осознать, что он реализует свою свободу не в том, что будет протестовать против решения большинства, а в том, что свободно ему подчинится как своему собственному. А если человек не подчинится, то, как пишет Руссо, суверен (то есть народ, то есть большинство) заставит его быть свободным! Иными словами, в первоначальном проекте либеральной демократии меньшинство должно подчиняться не потому, что оно подчиняется силе, а потому, что оно подчиняется своей собственной воле, делегированной общей воле. Такая казуистика, однако, мало кого реально убеждает, потому что человек, проигрывая, оказываясь в меньшинстве, всё равно чувствует, что подчиняется он не своей воле, а воле, навязываемой ему. Но Руссо изобрёл этот парадокс именно для того, чтобы легитимировать сам порядок — либеральную демократию, которая должна править и должна защищать права человека и, прежде всего, его свободу с помощью механизма голосования большинства.

Почти сто лет такой механизм государственного устройства неуклонно набирал силу. В это время в ведущих западных государствах, таких как Франция, Великобритания и США, мы видим укрепле-

ние этого либерально-демократического порядка. Конечно, его электоральная база была тогда минимальна. Скажем, в Великобритании в конце XVIII века реальными избирательными правами обладали только 3% населения. В самой Франции на протяжении XIX века далеко не всё ясно с республикой, потому что постоянно происходят перевороты: то республика, то империя. Но тем не менее восходящий тренд либеральной демократии очевиден. Гражданская война в Соединённых Штатах не случайна: она начинается из-за нежелания южных штатов провести освобождение рабов-негров (используя терминологию того времени). Гражданская война в Соединённых Штатах показывает, что во имя торжества либерально-демократического порядка можно посягнуть на определённую политическую традицию и даже подвергнуть риску гибели само государство.

Этот восходящий тренд завершается к концу столетия, и первый кризис либеральной демократии приходится на конец XIX — начало XX века. В это время появляются новые политические проекты, в которых вся аксиоматика либеральной демократии радикально пересматривается. Всё, что раньше было несомненно, а именно: что общество — это сумма индивидов, что политический режим должен быть построен на принципе «один человек — один голос», что править должно большинство по итогам всенародного голосования — всё это подвергается сомнению. И в новой фазе западноевропейской истории происходит своеобразное возвращение к принципам средневеково-феодального порядка. Сама идея, что человек всё-таки обладает неотчуждаемыми правами, не отменяется, но в то же время появляется тезис о том, что *правильное* государство должно использовать другой механизм принятия решений. Этот механизм должен учитывать то, что каждый человек живет в определённом социальном окружении, принадлежит к определённой социальной группе, к определённому классу или корпорации, то есть что человек — это не социальный «атом», а скорее — часть, если угодно, социальной «молекулы». И для того чтобы получить сбалансированный политический результат,

нужно, чтобы человек как политический субъект представлял не сам себя, а свою общину, свою социальную группу. Так появляются проекты, которые предлагают устройство государства по принципу корпоративизма.

Фашизм возник как государственный проект, основанный на том, чтобы заменить либеральную демократию корпоративной демократией, заменить представительство индивидов представительством социальных групп. Впоследствии, по итогам фашистского движения в Италии и главным образом национал-социалистического движения в Германии, термин «фашизм» приобрёл более широкий и однозначно негативный смысл. Но сама идея фашистского (то есть корпоративного) государства первоначально родилась в левой, анархо-синдикалистской среде, из которой и вышел лидер итальянского фашизма Бенито Муссолини.

Ещё одним конкурентом либерально-демократического проекта (самым радикальным конкурентом) стал марксизм, в особенности его российская, ленинская версия, согласно которой не только монархия, но и «буржуазная демократия» (читай — либеральная демократия) должна быть заменена новой формой государственности — диктатурой пролетариата. Применительно к России начала XX века это означало, что власть меньшинства (поскольку пролетариат в России был, даже по признанию самих большевиков, очевидным меньшинством) легитимировалась исключительно на основе того, что она является инструментом свержения предыдущего несправедливого строя.

Третий конкурент либеральной демократии — это евразийство, потому что первые евразийцы — русские эмигранты (Трубецкой, Савицкий, Карсавин и др.), начиная с 20-х и до середины 30-х годов, разрабатывали проект так называемой *демотии*. Этот термин обозначал такой режим, который основывался бы на делегировании прав через те или иные социальные группы и включал бы в себя так называемый «евразийский отбор», то есть предполагал особую правящую элиту.

Итак, существовало три формы государственного устройства, которые можно считать конкурентами либерально-демократического проекта: *фашизм* (выросший из анархо-синдикализма), марксистско-ленинская *диктатура пролетариата* и русское постреволюционное *евразийство*. Их возникновение в виде идей и конкретных политических практик (фашизм и коммунизм) знаменует первый кризис либеральной демократии, который завершается с окончанием Второй мировой войны новым консенсусом, который можно назвать либерально-коммунистическим, поскольку он выражается в новой «Декларации прав человека» — знаменитой декларации ООН от 10 декабря 1948 года, которую подписал в том числе и СССР.

Декларация прав человека 1948 года основывается на французской декларации 1789 года, но содержит уже не 17, а 32 статьи, и дополняется новым содержанием: гарантией социальных прав человека и очевидным антиколониальным политическим подтекстом. Важно отметить появление в этой декларации нового понятия, которого не было во французской декларации, но которое там подразумевалось, — человеческое *достоинство*. То, что радикально отличает мир после Великой французской революции от мира средневеково-феодального, — это смена представления о том, чем обладает человек. Корпоративный средневеково-феодальный человек обладает честью, а человек современный обладает достоинством. Эта знаковая и значимая перемена в определении базового качества человека является ключевой для понимания второго кризиса либеральной демократии, который связан с современными формами феномена власти меньшинства, или, если говорить точнее, власти меньшинств.

Начало второго кризиса приходится на середину 60-х годов прошлого века, когда в США разворачивается массовая кампания за гражданские права, которая словно бы повторяет события столетней давности. Конечно, до реальной гражданской войны в США дело не дошло, но острый этно-социальный конфликт был налицо. Одно только убийство Мартина Лютера Кинга явно об этом свидетельству-

ет. Этот конфликт наложился на движение контр-культуры (хиппи), на массовые протесты против войны во Вьетнаме и на так называемую «революцию кампусов» (массовые беспорядки в студенческих городках американских университетов). В Европе был собственный аналог американских событий — «Парижская весна» 1968 года, с её погромами, столкновениями с полицией и массовыми беспорядками. Поводов для столь массовых возмущений и протестов против самой модели либеральной демократии было много, и они были разные. Но в целом всё сводилось к тому, что внутри современного западного общества проявились группы, воспринимающие себя как *угнетённые* меньшинства и поэтому декларирующие за собой право требовать признания от большинства своих особых и законных прав. Будь то (в прежней терминологии) «негры» в США, или мусульманские общины в Западной Европе, или представители нетрадиционных сексуальных ориентаций — повсюду суть протеста одна и та же: «Признайте за нами права на особую идентичность!» Более того, поскольку раньше меньшинства угнетались от имени большинства, то само большинство теперь не должно иметь морального права на власть.

В Соединённых Штатах это угнетающее большинство было обозначено предельно конкретно — WASP. Четыре буквы, которые по-английски означают White Anglo-Saxon Protestant (белые англосаксонские протестанты). Против них в США в 60-е годы прошлого века и началось то, что один исследователь назвал «восстанием меньшинств». Прежде всего, «цветных» меньшинств, которых с той поры требовалось называть афроамериканцами. За ними последовали те, кто представлял радикальный феминизм, — защитники прав женщин, которые тоже считали себя угнетённым меньшинством. И, наконец, это группы, которые впоследствии объединились в сообщество, обозначаемое аббревиатурой LGBT. Таким образом, мотивацией и лозунгом протестов стали антирасизм, феминизм и защита прав сексуальных меньшинств. Этот второй кризис либеральной демократии образует основу нашей сегодняшней политической ситуации. Нашей, потому

что он влияет в том числе и на наш внутрироссийский культурно-ментальный контекст.

Ситуация, которая разворачивается в странах Запада, ставит под вопрос выживаемость самого проекта либеральной демократии. Дело в том, что этот новый вызов, с одной стороны, имеет в своей основе культурно-философский фундамент постмодернизма, а с другой — несёт в себе чисто политическое приложение. Из него рождается новая политическая стратегия — мультикультурализм, который можно считать серьёзным оппонентом либеральной демократии. Мультикультурализм представляет собой *как бы возвращение* в тот средневеково-феодальный порядок, когда каждый человек рассматривается исключительно в контексте своей социальной и в данном случае «культурной» группы. В соответствии с этой идеологией, если человек принадлежит к сообществу ЛГБТ, то он уже не такой человек, как все остальные: он другой и имеет право настаивать на том, чтобы его уважали в его инаковости. Инаковость сама по себе становится ценностью. Когда говорят о проведении так называемых гей-парадов, используют неправильную терминологию: здесь имеется в виду не гей-парад (англ. gay parade), а гей-прайд (англ. gay pride), потому что pride — это гордость, а gay pride — это гордость геев. Это группа, которая гордится тем, что она особая, иная. Смысл мультикультуралистской стратегии — это не просто возвращение средневекового представления о том, что человек обладает корпоративной идентичностью, но и наделение этой идентичности, какова бы она ни была, особой, уникальной, неповторимой ценностью. Таким образом, происходит распадение социума на множество сообществ, каждое из которых обладает своей собственной идентичностью. Это та реальность, в которой сегодня живет американский и в несколько меньшей степени — западноевропейский мир. Вызов мультикультурализма современному либерально-демократическому порядку состоит в том, что необходимо как-то согласовать интересы большинства и огромного множества социальных групп, каждая из которых считает себя носи-

телем неотчуждаемого достоинства и неотчуждаемого права утверждать свои ценности в обществе.

Были испробованы разные модели. В США проводилась (фактически проводится и сегодня) политика, обозначаемая по-английски как affirmative action — утвердительное действие. В Великобритании аналогичная политика называется positive discrimination, то есть позитивная дискриминация. Есть на эту тему такая (по нормам мультикультурализма, некорректная) шутка: «Лучший вариант быть принятым на работу в США — быть негритянкой, лесбиянкой и ещё одноногой, тогда на любую работу ты первый кандидат». Но ситуация эта совсем не шуточная. Ведь у мультикультуралистского движения, безусловно, есть своя социальная правда, потому что суть легитимации мультикультурализма заключается в том, что утверждается не просто право каждого на обладание уникальной, неповторимой идентичностью, но и акцентируется внимание на том, как представители данной социальной группы испытывали гнёт общества в прошлом, то есть главный пафос мультикультурализма — это борьба за справедливость. Это борьба культурных групп, которые в прошлом подвергались репрессиям за то, что они были носителями этой своей идентичности. Это женщины, которых угнетали, обрекали на узкий круг жизни внутри треугольника «дети–кухня–церковь», лишали избирательных прав. Это, конечно, афроамериканская община, которая в США начинала с рабского положения. Это, естественно, ЛГБТ. Известно, что долгое время гомосексуализм считался, а в некоторых культурных традициях продолжает считаться уголовным преступлением. «Восстание меньшинств» позиционирует себя как моральное восстание. Меньшинства — это не просто некие фрики, которые хотят навязать большинству, «нормальным людям», свои правила и принципы. Мультикультурализм настаивает на том, что обязанность большинства, «комфортного большинства», которое ни в чём никогда не подвергалось притеснению, — признать права этих *иных* людей и сознательно предоставить им определённые привилегии. Например, скорректи-

ровать механизм традиционной демократии и принимать решение не потому, что так будет лучше для большинства, а потому что оно будет проявлением сочувствия прежде угнетённым, даст им возможность сегодня обладать реальной властью.

Современная ситуация, вызванная вторым кризисом либеральной демократии, ставит перед западным обществом три серьёзные проблемы. Первая — это несовместимость культурных ценностей и жизненных стилей разных меньшинств и коренного большинства. Характерным примером является полемика на тему паранджи и так называемого буркини (купальный костюм для мусульманок) во Франции. Маленький, казалось бы, бытовой конфликт, однако он влечёт за собой политические последствия, поскольку многие мусульманки предпочитают следовать своей традиции, платить штрафы за ношение паранджи и буркини и нагнетать таким образом социальную напряжённость, которая очень легко может перерасти в политический конфликт. Этот конфликт, в свою очередь, служит поводом для радикального исламского терроризма, потому что ИГИЛ¹ рождается именно здесь, на этой почве. Вторая проблема — легитимность власти, полученная на основе принципа большинства. Так, Дональд Трамп победил на президентских выборах в США, но оспаривание правомочности его власти, по всей видимости, будет продолжаться до последнего дня его президентского срока именно на том основании, что мобилизуются все меньшинства, единый фронт меньшинств против Трампа. Третья проблема — это снижение эффективности государственного управления. Когда наличествует такая конфликтная электоральная база, когда каждое решение оспаривается каким-нибудь меньшинством или союзом меньшинств, то государство постепенно начинает терять управляемость. Примером может служить ситуация с указом Трампа о запрете на въезд в США гражданам нескольких стран. Президентский указ мотивирован необходимостью обеспечить национальную безопасность, но он не может быть реализован, пото-

¹ Организация запрещена в России.

му что существует максимальное давление меньшинств, потому что постановления судей, оспоривших это решение, принимались именно под влиянием демонстраций расовых, этнических и религиозных меньшинств.

Сможет ли западная либеральная демократия справиться с этими серьёзными вызовами и найти способ решения этих трёх острейших проблем? В самих западных странах уверенность в этом есть далеко не у всех. Стоит только вспомнить роман самого популярного французского писателя Мишеля Уэльбека «Покорность», в котором он предсказывает победу кандидата-мусульманина на президентских выборах во Франции в 2022 году и дальнейшую исламизацию страны.

Впрочем, мультикультуралистский вызов либеральной демократии — проблема не только Запада. Мультикультурализм начинает проецироваться на весь глобальный миропорядок. Это то, что в своё время в 1993 году описывал один из замечательных современных философов-консерваторов Сэмюэл Хантингтон в своей знаменитой концепции «Столкновения цивилизаций». Он, вместо того чтобы фиксировать наступление всеобщего либерального мира или «конец истории», вопреки Фрэнсису Фукуяме, заявил, что мы вступаем в мир, в котором будут бороться между собой несводимые друг к другу цивилизации. То есть наступит плюрализм или мультикультурализм на глобальном уровне. Нынешний однополярный миропорядок завершается, причём с помощью самих же США, которые раньше претендовали на роль глобального центра, а с победой Трампа обозначают тенденцию нового американского изоляционизма. На смену идёт так называемый многополярный мир, но не исключено, что глобализированный мультикультурализм будет приводить к «глобальному беспорядку». Этот беспорядок сейчас утверждается в качестве «нового порядка» в Соединённых Штатах и в Европе. Меньшинства всё больше и больше претендуют на власть, причём не гнушаясь и такими средствами, как террор. И если этот порядок окончательно институали-

зируется в виде практики и политики целых государств, то это будет мультикультурный глобальный мир, в котором будет всё меньше порядка и будет нарастать конфликтный потенциал. Это значит (если возвращаться к средневеково-христианским истокам европейской цивилизации), что всё более актуальной будет книга, завершающая Новый Завет, — Откровение Иоанна на Патмосе.

ПРАВОСЛАВИЕ И ЛИБЕРАЛИЗМ

Либерализм в широком смысле свойственен всем нашим современникам, не исключая и автора данной статьи. Либерализм — это дух нашего времени. Для того чтобы проиллюстрировать это, можно обратиться к советскому времени. Газеты постреволюционного периода (те, от которых у профессора Преображенского болела голова и портился аппетит), если заглянуть в них сегодня, дадут наглядный пример специфического, акцентуированного политико-социального дискурса. На их страницах в полной степени прослеживаются комплекс идей, владевших массами того времени, новояз, нерасчленимые мыслительные конструкции и штампы: «народное дело», «новый мир», «светлое завтра», «классовый враг», «пережитки», «рабочая правда». Сегодня это воспринимается со скепсисом, с долей иронии, мы видим в этом некие аффектацию и театральность, но в 1918-м или 1930-м изнутри исторического контекста люди, широкая читательская аудитория не замечала в подобной подаче информации ничего необычного, считала её вполне органичной и реалистической.

Другой яркий пример деформации дискурса в локальном национальном воплощении — современная специфическая украинская психосемантика. Способ объяснения «свидомыми» действительности нами из России прочитывается подчас как совершенно неадекватный. Вот несколько заголовков украинских новостей: «Террористы занялись асфальтированием Донецка», или «Боевики восстановили работу и перевозки на железнодорожной станции Дебальцево», или «Агрессор за 2016 год насильно (!) отправил 600 000 человек в санатории Крыма». Для российского обывателя это выгля-

дит как бред сумасшедшего, как откровенный абсурд: ведь террористы занимаются тем, что взрывают и разрушают, а если какие-то люди асфальтируют дороги и вводят в строй железнодорожные ветки, то, с высокой вероятностью, это не террористы. Но на Украине, по ту сторону границы, люди не видят трагикомизма в таких заголовках. Украинцы старательно воспроизводят логику актуальной политической культуры своей страны и пытаются в соответствии с ней жить, управлять государством, выстраивать отношения со внешним миром. Таким образом, акцентуация заявляет себя в качестве нормы. Это типичная для субкультур ситуация, когда люди условились между собой относительно некоторых жизненных аксиом и считают, что, исходя из них, можно дальше делать выводы. То есть люди вполне могут использовать аксиоматику большевизма или свидомизма как нечто само собой разумеющиеся.

По всей видимости, все мы сейчас также находимся в своей субкультурной ситуации, дышим воздухом, которого не замечаем. И совершенно очевидно, что эта наша акцентуированность в наибольшей степени определяется влиянием либерализма. Человек извне, представляющий некую фундаментальную традиционную (в аксиологическом смысле) позицию, моментально отметил бы в современном общественно-политическом мышлении России черты «герметичности», характерные обороты, общие места. Он обратил бы внимание на мнимую ясность, за которой скрываются настоящие пропасти и бездны.

Современность пропитана либерализмом, он витает в воздухе. Это *zeitgeist*, «дух времени». Прежде всего он проявляется в западноцентризме — феноменологическом следствии либерализма. В последнее время западоцентричная картина мира несколько пошатнулась, дала трещину, но, тем не менее, всё происходящее в нашей стране продолжает находиться под знаком западнического влияния. Методология восприятия и анализа действительности в политике и культуре в целом заимствованы оттуда. Мировоззренческий, фило-

софский суверенитет пока нам только снится. Уютный западный мир с видимостью решения основных противоречий, с согласованием общественных интересов, обеспечением потребностей большинства, конечно, производит колоссальный эффект на любого, кто сходит с трапа самолёта в европейском или американском аэропорту. Нестыковки и шероховатости, изнанка этого внешнего благополучия замечаются уже во вторую очередь. Нужно проехать по странам третьего мира, чтобы воочию увидеть природу западного процветания, состоящую в несправедливом, диспропорциональном торговом обмене; заглянуть за ширму центральных офисов транснациональных корпораций, закрытых элитарных клубов; своими глазами увидеть последствия «продвижения демократии» в цветных переворотах, в диктатуре меньшинств, чтобы, как говорили в советское время, «звериный оскал капитализма» перестал быть высмеиваемой фигурой речи, а раскрылся буквально. Проблема мигрантов широко освещается в российских СМИ, но это далеко не главный порок современного мироустройства.

В целом западный мир выглядит очень прилично, достойно, красиво, удобно, продуманно. В России в 1990-е годы наилучшим способом продвижения западных ценностей было собрать группу профессионалов по какому-нибудь направлению: от журналистов и военных до специалистов по агропромышленному производству и жилищно-коммунальному хозяйству и вывезти их на так называемую «стажировку» в Германию или Америку. То, что происходило с этими людьми дальше, напоминало сказочное путешествие в Тридесятое царство. Описать чувства, которые охватывали нашего соотечественника при виде витрины капитализма, лучше всего понятием «индоктринации», обращения. «Стажёры» оказывались в буквальном смысле слова новообращёнными, неопитами, радикальными адептами религии «Великого Западного Образа Жизни». Отзвуки, обертона и реверберации этого Великого Западного Образа Жизни пронизывают в России всю систему политического мышления. И

освободиться, обрести собственное и более реалистичное видение мира, не завязанное на мифологию (самоубийственную, в конечном итоге, для периферии и полупериферии), а органичное нашему собственному историческому опыту, целям выживания в цивилизационном противостоянии, даже при всём нашем желании, — не такое простое дело.

Гарантией от либерализма не становятся даже патриотические, державнические, евразийские антизападные интенции. Все они произвольно отталкиваются от образа Запада как базового гештальта, добавляются лишь приставки «контр-» и «анти-». Такова обходная, окольная логика сложившейся у нас политической ментальности. Разумеется, отчасти вынужденная и оправданная, ибо, когда речь идёт о внешней агрессии, то реакция самозащиты, отрицания, действия от противного — самое естественное. Но нужно понимать, что политическая методология антизападничества сама по себе не выражает органических решений и подходов, а в некотором смысле тоже является порождением либерализма. Так же, как исламский экстремизм, ваххабизм, ИГИЛ¹ — это зеркальный идеологический двойник либерального тоталитаризма, его собственное порождение, а не органичная форма жизни исламских народов.

К сожалению, не являются надёжной защитой от либерализма и просоветские симпатии. По мере того, как эпоха СССР отступает всё дальше и дальше в прошлое, ресоветизаторские устремления приобретают всё более эмоциональный, фантазийный характер, становятся всё более расплывчатыми и безответственными. Человек, ностальгирующий по советскому прошлому, внешне проявляет себя как противник либерализма. Но если рассмотреть его взгляды более пристально, то окажется, что он также проповедует комфортное, мало к чему обязывающее состояние, обнаруживающее признаки вполне либерального подхода, постмодерновой деконструкции, состояние,

¹ Организация запрещена в России.

которое Сергей Кара-Мурза охарактеризовал как «сознание-кентавр». «В 90-е годы, — пишет Кара-Мурза, — сформировался необычный культурный тип, по выражению социолога Тощенко, человек с парадоксальным «сознанием-кентавром». Он не принимает нынешний режим и тоскует по советским принципам жизнеустройства — и в то же время отвергает глубинные советские структуры, на которых это жизнеустройство стояло».

В качестве ещё одной иллюстрации процитирую выдержки из одного авторского блога газеты «Завтра». Это блог Галины Иванкиной, публикация от 18 декабря 2013 года под названием «Было же время...»

«Удобно, просто, незамысловато — плакать о светлом советском прошлом, чтобы ничего не делать в настоящем. <...> Для очень многих современных людей ностальгия по СССР сделалась удобным актом эскапизма. Более того — поводом ничего не делать и ничего не хотеть. Выглядит это примерно следующим образом: «Я ничего не достиг и ничего не умею, потому что в 1991 году у меня украли Мечту. Теперь, вместо того чтобы стать астрономом, я работаю менеджером по продажам, причём работаю плохо и меня постоянно сокращают! А было же время, когда люди мечтали о звёздах, а не о продажах!» Кто виноват? Общественный строй, конечно же. Мальчик до 91-го года мечтал и грезил, ходил в кружок при доме пионеров, смотрел на россыпи созвездий. Ему снился Марс, а потом ещё — Млечный Путь... Красиво? Ещё бы! А потом пришли какие-то нехорошие дядьки с не менее гадкими тётками и сунули ему в руки Mars и Milky Way. Но он-то сам ни при чём, хотя и схрупал сие с удовольствием. Любимая фраза большинства ностальгирующих субъектов: «Нас обманули!» <...> На самом деле, это очень удобно и где-то даже выгодно — годами изображать «обманутого вкладчика» и непризнанного гения, вынужденного, вместо яблонь на Марсе, созерцать пробки на дорогах. <...> Позиция обиженного ребёнка. <...> Быть обманутым — удобно. Можно залечь на диван прямо в ботиках

и ни черта не делать. Твой сын — двоечник? Виновата система образования! Вот было же прекрасное и светлое время, когда ценились умные люди, а теперь подростки сидят, уткнувшись в свои гаджеты от слова «гад». Твоя дочь малюется, как клоунесса и дымит, как паровоз? Виноват, разумеется, Дом-2, который все они (то есть растленная молодёжь) смотрят часами. А я? А я страдаю, что у меня украли Мечту с большой буквы «Мэ». Хотели быть стратонавтами, а стали главбухами и теперь с горя бухаем. Об одном человеке было сказано даже так: «Повесился, потому что не смог вписаться в эту пакость». <...> В советские времена спорт был для всех, а теперь — только для богатых!» — пишет в комментариях женщина, которой врачи поставили популярный при нынешнем колбасо-изобилии диагноз «ожирение». <...> Оказалось, что под словом «спорт» моя собеседница подразумевала не какое-то там унылое подтягивание на турнике, а модную аэробику в элитном фитнес-клубе. Я же говорю — весьма удобно. «Я больна, потому что меня лишили спорта, который нынче работает лишь на потребу проклятой Вандербильдихи!» И — хлоп! тортик. В процессе пожирания тортиков (впрочем, напичканных ГМО-дрянью) можно уронить ностальгическую слезинку по поводу V зимней спартакиады народов СССР 1982 года и вспомнить песенку «Мы верим твёрдо в героев спорта!»²

В данном случае политические либеральные аллюзии тесно сплетаются с бытовыми. В нашем обществе именно на бытовом уровне либерализм является особенно прочным. «Тучные нулевые» и начало «десятих» заслуживают быть названными эпохой «Великой Бытовой Либеральной Революции». Политический и управленческий распад и децентрализация страны были кое-как остановлены укреплением «вертикали власти», тогда как либерализация частной сферы и общественных отношений в «тучные годы» происходили ударными темпами. В «нулевые» мы занимались уже не рассматри-

² <http://zavtra.ru/blogs/byilo-zhe-vremya>

ванием фасада западной цивилизации. Начался активнейший перенос на нашу почву технологий и инструментов организации жизни пресловутого middle class, среднего класса, начиная с отделки квартир до сценариев проведения семейных праздников и маленьких секретов карьерного роста.

С этого времени аксиоматика сильно меняется. Если в 1990-е годы общество оставалось в значительной степени советским, постсоветским, травмированным подвидом общности советского типа, то «нулевые» совершают качественный скачок: общество вдруг осознаёт, что красивая картинка доступна к обладанию. Азарт обладательства нельзя описать! Этим оказалась смята остаточная инерция советизма: куда-то исчезли агрокультурный ажиотаж «на шести сотках», восторг заготовок и консервации, традиционные посиделки соседок на лавочках и мужские коллективные корпения над техникой в гаражах. Люди меньше стали ходить в гости, тесные связи семей в трёх поколениях с совместным времяпрепровождением и решением разнообразных бытовых вопросов сменились автономией, поддерживаемой как молодыми, так и стариками. Прежние категории, такие как скромный достаток, тихая жизнь, домашние интересы, сердечность отношений, экономия, труд своими руками стали трактоваться как архаичные и смешные. На месте этого стала рождаться другая, более стерильная и рационализованная модель, связанная с получением удовольствия от пользования вещами, ранее недоступными, удовлетворения от личной статусности при одновременной индивидуализации. Произошло снижение эмоциональной зависимости между родными, соседями и членами профессиональных коллективов.

Запад преодолел этот путь на 30–40 лет раньше, и в «нулевые» на наше общество транслировалась уже готовая, выверенная сумма решений. Поэтому, вольно или невольно, посвящение в welfare (благосостояние, англ.) имело следствием принятие априорной правоты Запада, преимущества либеральной позиции по большинству вопро-

сов. В представлении обывателя Запад населён людьми, «знающими толк в вещах», ведающими, как надо жить. Глобализирующийся мир взирает на Запад как на учителя и вполне логично переходит на единые вестернизированные стандарты.

Прошло 10–12 лет, и переход у нас в целом завершился. На сегодняшний день советского или тем более коммунистического сознания в России больше нет. Я не знаю, о чём говорят сторонники якобы необходимой срочной декоммунизации и десоветизации в России. Есть явления инертности, косности, например, когда людям удобнее жить по-прежнему, на улице Луначарского, а не привыкать к историческому названию «Покровская». Определённая атрофия вкуса, апатия, неразборчивость, всеядность — это то, чего в нашем обществе можно найти сколько угодно. Но советизм как принципиальная ценностная позиция исчез. Никто не станет утверждать, что именно товарищ Луначарский ему дорог. Пожалуй, многие даже согласятся, что «улица Покровская» звучало бы намного лучше, но «улица Луначарского» привычней. Что у нас до сих пор точно есть — это брендируемость «советского» в рамках его пропагандистски-коммерческого использования и ретро-стилистики, но собственно «совка» не найти.

То, что вменяется России в вину как проявления советского или имперского, великодержавного типа, — это, на самом деле, проявления обычной континуальности сознания. Как ни крути, период СССР был. Внутри нас всегда будет сохраняться определённая ретроспекция. Десоветизировать до рвотного рефлекса, до амнезии означало бы просто изнасиловать личность. Да, мы жили, жили по-своему, но это была жизнь, а не что-то иное. Как по Василию Шукшину: «Всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания, — не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это». Сейчас это память о том, что мы были, что нашей стране и обществу не 20 лет, как иногда можно услышать в СМИ, а гораздо больше.

Время от времени вспыхивающие дискуссии о «насилии в браке» или «шлепках в процессе воспитания детей» имеют целью инсинуировать по поводу неисправимо тоталитарного характера российской жизни и бесконечно тыкать в «совок». Если судить по сюжетам телепередач и записям в соцсетях, то может показаться, что всё становится хуже и хуже: детей только и делают, что порют, женщина в доме переживает неописуемые притеснения. Между тем это впечатление ошибочное, и оно скорее выявляет «смягчение нравов». Либеральный подход, стандарты восприятия изменились. Ещё 15–20 лет назад никому даже в голову бы не пришло возводить в проблему шлепки при воспитании. В действительности, отношения в семье между супругами, воспитательные отношения, стратегии жизненной реализации либерализовались и продолжают либерализовываться. Женщина проявляет такие желания и запросы, такую чувствительность к обращению в свой адрес, какой у неё не было ещё совсем недавно. Традиционное понимание семьи сломано, иерархия мужского и женского за последние 15 лет нивелировалась, и тема мужского шовинизма на сегодня уже вызывает атаку на встречном курсе — стремление феминистского лобби перейти в наступление, деморализовать и уничтожить соперника, табуировав само упоминание о различиях между полами. Равным образом родительская деспотия неожиданно встаёт в центр обсуждений в условиях, когда воспитательная активность объективно находится на историческом минимуме, когда дети предъявляют требования и запросы к родителям, невиданные десятилетиями назад.

Такова калька с логики процессов толерантизации и партикуляризма в западном обществе. Начиная с 1970-х годов, традиционные институты и практики: семья и родительство, образование, работа учителя — всё стало подвергаться систематической обструкции. Везде стали мерещиться корысть и желание власти, манипуляции, психологическое давление со стороны старших. В таких обстоятельствах не воспитывать лучше, чем воспитывать, это менее предосудитель-

но. Дети, предоставленные сами себе, растущие без определяющего, формирующего влияния ответственных взрослых, для современных родителей почти не представляют проблемы в сравнении с пресловутой угрозой быть обвинёнными в репрессивности, в ограничении детской свободы. Сегодня эта акцентуированная логика поиска авторитаризма везде, где только можно, погони с увеличительной лупой за посягательствами на личную свободу распространилась и в нашем обществе. Мама и папа нередко ощущают неудобство при указании своему чаду на должное и недолжное в его действиях. Это проявление бытового либерализма. «Всё ситуативно, нет общих правил, есть лишь многочисленные личные мнения и только», — так кажется современному родителю. «Откуда я знаю, что для него лучше?» — задаётся он вопросом. Формируется иррациональный страх перед репрессивностью, родитель не может воспитывать, он боится оказаться манипулятором, погрешить «удушающей любовью». В такой ситуации вполне естественно, что потребность ребёнка в воспитании волнует его значительно меньше, чем общественное мнение.

Аналогичные процессы происходят и в отношениях между супругами. По факту утраты идеи ответственности за другого, идеи совершенствования отношений, этоса дома, из-за панической боязни вторжения в чужую свободу, нарушения суверенитета, табуируется всё, что может служить предметом разногласий. Оба супруга самореализуются где-то на стороне: в карьере, общественной деятельности, но внутри дома действует негласный церемониал ненарушения чужой автономии, исключения любого произвольного вмешательства в выбор другого. Понятно, что проблема семейных противоречий, конфликтов отцов и детей или свекровей и невесток при этом уходит. Но какой ценой? Семья перестаёт быть средоточием событий, предметом заботы, совместного делания. Жизнь в доме замирает. В лучшем случае эти люди способны вместе отдыхать, делить приятные моменты, поддерживая между собой ни к чему не обязывающее общение. Любая координация более сложного уров-

ня: взаимопомощь, взаимовыручка, жертвование комфортом ради другого — в рамках подобной системы представляется уже трудноосуществимым.

Точно так же и церковная проповедь, к сожалению, мало защищена от влияния духа времени. Зачастую она не видит этой самой проблемы — интерференции с либеральной пропагандой. Для Церкви мотивы мира и уступчивости являются в определённой мере традиционными, но звучит эта проповедь в новых условиях — в условиях крайней индивидуализации. В этом случае акцент на любовь, прощение и неосуждение работает на усиление партикуляризма и релятивизма, становится своего рода аналогом антирепрессивных, антиавторитарных концепций, удобно прикрывает распад традиционной семьи, отношений иерархии и педагогического авторитета. Отношение к жизни и смерти, труду и досугу, страданиям и радостям всё больше обнаруживают в православных верующих приверженцев массового культурного стандарта. «Уважение к неповторимой и уникальной личности, образу Божию» — замечательный повод для плюрализации и толерантизации под христианско-церковными обоснованиями.

Таковы реалии либерализма в широком смысле, феноменологии либерализма, выходящей за границы политической сферы, либерализма как господствующего экзистенциального явления нашего времени.

У читателя может возникнуть вопрос: каким же образом избежать заражения либерализмом? Ранее уже говорилось о том, что идеологическое оппонирование западной системе ценностей, патристическая установка являются лишь формальной антитезой, оставаясь при этом пронизанной либеральными коннотациями, ощущением собственной вторичности, зависимости от либерального дискурса как от базового. Это напоминает ситуацию, когда подросток демонстративно противоречит старшим. У него это только видимость самостоятельности, в действительности же он не знает, что такое самостоя-

тельная позиция, он умеет и знает только одно — поступать наоборот. Так и в нашем обществе: понятия «суверенитет», «цивилизованность», «свобода», «развитие» по-прежнему интерпретируются преимущественно в западном политологическом значении. Сэмюэл Хантингтон нам польстил, выделив кроме западной ещё 4–5 отдельных «цивилизаций». Это в большей степени обусловлено той терминологией, которую использовал геополитик: под «цивилизациями» у Хантингтона понимаются части мира с общим культурно-религиозным прошлым и относительно сильной политической традицией. По существу, цивилизация одна, варьируются лишь отдельные опции и элиты, которые кое-где не желают уступать контроль над региональными ресурсами и активами.

Если мы хотим выжить, то избавление от либерализма на повседневном уровне предстоит пройти каждому, включая и автора настоящего доклада, который 15 лет назад вместе с семьёй перебрался из Санкт-Петербурга в российскую глубинку, в деревню. Каждому есть о чём думать и о чём беспокоиться в плане нахождения возможностей жить вне и вопреки логике либерального мейнстрима.

Не следует обходить стороной и тему церковного либерализма (либерализма в его узком значении) — принадлежности тех или иных фигур к течению критиков Патриархии, сторонников церковных реформ и так называемого «европравославия». В чём же заключается комплекс взглядов церковного либерала? В первую очередь, в трепетном отношении к *privacy*, личному пространству, в иной симптоматике неопитства. Вместо «взрывного обращения» — более самостоятельное и даже самодостаточное отношение к жизни. В процессе «смотрин» человек отрабатывает критический материал по отношению к Церкви, решая, «зачем ему это нужно». Он может длительный срок находиться в двойственном положении, прежде чем входить в круг постоянных адептов и принимать на себя обязательства по исполнению полного объёма предписаний. Иметь ни к чему не обязыва-

ющие симпатии к христианству спокойнее и проще, нежели окунаться в тотальную религиозность.

В основе церковного либерализма — антропологический оптимизм. Положение верующего мыслится достаточно определённым, устойчивым; личные недостатки, грехи, по всей видимости, будут прощены Богом. Не существует драмы гибели и спасения души, оправдания в очах Божиих, перерождения из «ветхого человека» в «нового», метанойи — перемены ума. В рамках либерального мировосприятия плохо понятной остаётся мысль об идеальном «я», к которому нужно идти путём дисциплины, труда и аскезы; в стороне остаются идеи авторитета и подражания — организующие начала традиции. «Я» понимается здесь как «моё индивидуальное», совершенно конкретное, то, которое известно «здесь и сейчас». Оно-то и представляет собой образ Божий, уникальную и абсолютную ценность. Всё содержание христианской жизни состоит в нравственной деятельности в соответствии с евангельскими принципами, понятыми каждым человеком в своём индивидуальном ключе («личное прочтение Евангелия»).

Для либерального сознания характерен психологический реверс: от принципа «я в системе Божиего мира» к принципу — «Бог в моём внутреннем мире», с отходом от универсализма в направлении экзистенциальности и, в конечном итоге, индивидуального либерализма. Меняется тип созерцания Бога. «Исторический Христос» отличается от традиционного образа Всевышнего Бога, Первоначала и Творца всей жизни. Бог эпохи научных открытий, промышленного бума, общественных новаций заключён в рамки научности и историзма, ограничен пределами рациональных закономерностей, понимаемых как объективные. Не существует цели познания Сущего, перестройки ума для проникновения в Божественный принцип, но приспособление Евангелия к тому, чтобы, как говорит Поль Рикёр³, «христианскую истину сделать доступной умам, приученным к

³ Поль Рикёр (фр. Paul Ricœur; 1913—2005) — французский философ, представитель школы философской герменевтики.

отрицанию сверхъестественного». Такова суть теологии секуляризации или *aggiornamento*⁴, если использовать римско-католическую терминологию.

Тематика евхаристического возрождения обнажает вопрос о харизматическом основании «новой религиозности». Модернизм в целом тяготеет к рационализации, к «вере посредством разума». История, человеческие взаимоотношения и дела трактуются психологически и прагматически, вне духовного контекста. Собственно религиозная часть при этом выражается учением о дарах Духа. Для Православия с его сильным богослужебным ядром это означает усиление внимания к Евхаристии. Для либерализма характер фундаментального действия имеет одна Евхаристия, на которой заканчивается рациональный разбор учения и которая рассматривается в качестве ценности, принимаемой на веру и недоступной для любого рассуждения. При этом со стороны церковных либералов всё чаще звучит требование о разъединении традиционной привязки Евхаристии к Таинству исповеди.

Либерализм ставит на место воцерковленности евхаристичность. Единство у литургической Чаши трактуется как единство высшего рода, единство вообще, вне необходимости согласования, нормирования частных позиций посредством традиционных предписаний, канонов, обычаев, доктринальных установлений. Этим достигается сопряжение с ещё одним, помимо прагматизма, основополагающим качеством «новой религиозности» — её интимно-личной направленностью. Харизма, в отличие от традиции, не предписывает ничего общего, она направлена лично на каждого и лично каждым воспринимается. Это часть Божественного, которую каждый получает от жертвенника. И одновременно она есть акт общей веры, ценность, разделяемая прочими членами общи-

⁴ *Aggiornamento* (итал. — обновление) — приспособливание Католической церкви к актуальным условиям. Термин вошёл в широкое употребление после Второго Ватиканского собора.

ны. В сложной игре переживаний вокруг темы Евхаристии сознание «новых» находит залог своего христианства и принадлежности к Церкви, исполнение упований о прямом сообщении со Христом и истинном исповедании вне формализма и условностей. По сути, за Евхаристией и только за ней новым религиозным сознанием признаётся свойство фундаментального религиозного действия. Оставшаяся жизнь верующего десакрализована и укладывается в рамки его индивидуального выбора.

В результате уже сегодня часть московских церковных либералов перестаёт подчиняться общим требованиям вероисповедной и литургической дисциплины, а практикует *de facto* собственную версию благочестия: произвольно выбирает период и рацион постов (причём с особым удовольствием, демонстративно, как знак особой раскрепощённости, размещая в соцсетях фотографии застолий со скоромными блюдами), свободно причащается без подготовки и исповеди, женщины не признают головных уборов в храме и ограничений на период месячных очищений. Примером проповеди религиозного индивидуализма, *privacy*, является «теория частного лица» игумена Петра (Мещеринова): «Способствует, например, нашему богообщению пост — постимся. Не помогает — определяем такую его свою меру, чтобы наше христианство не превращалось в Религию Еды. Нас раздражает соприкосновение с церковной средой — сводим его к минимуму. Наводит тоску понуждение себя к учащённому посещению храма — определим себе такую, опять же, свою меру, чтобы тоски не было, а была радость». Пример другого утверждения о. Петра: «Что нас раздражает, надоело, то не от Бога».

Вторым отличительным свойством либерала является повышенный критицизм. Это создает особую обстановку, когда обсуждение «церковных проблем» становится едва ли не единственным значимым интересом и содержанием деятельности. Массированная критическая реакция, когда в дискуссии по «церковным проблемам» вовлекается всё большее количество людей, — новое для Русской

Церкви явление. Открывается обширная рефлексия о том, что есть и чем должна быть церковность с позиции современного человека — человека успеха, уверенного в своей способности видеть недостатки и обсуждать проблемы соответственно своему пониманию. Возникает новый для Церкви тип «королей критики», известность которых в основном связана с остротой критических суждений.

По понятным причинам Церковь плохо преобразуется по формулам welfare society⁵, «дивного нового мира». Если идеология успеха где-либо испытывает трудности, то в большой мере это касается именно России и среды православных. Действительность Церкви кающихся (не всегда) грешников наводит на самые пессимистические размышления. Возникает почва для любопытной инверсии, которую можно назвать «стыдом перед обществом за Церковь» или специфической «антицерковностью церковников». В политической области Россия, не желающая следовать рецептам своего счастья, вызывает у части либеральных радетелей всё более напряжённую экспрессию, переходящую в презрение к «этой стране», и проклятья в её адрес. Так и у Церкви собирается довольно своих, непонятых, обманувшихся в ожиданиях, изнывающих от несоответствия максималистским амбициям, изливающих вовне своё обильное раздражение и жёлчь. Критическая деконструкция достигает пика, нарастает паника: новообращенных, уверовавших во Христа... некуда приводить! В церковной действительности их, с высокой вероятностью, «развратят и погубят». «Куда мы зовём людей?» — вопрошает игумен Пётр (Мещеринов).

«Правда» и «объективность» критиков специфичны и отражают, помимо обычного анализа, отягощенность ума психотическими факторами. Над православными нависает комплекс несоответствия («Почему православные такие?»), а степень неустройства церковной жизни оценивается выше, чем в целом по обществу. Расцерковление,

⁵ Welfare society — англ., общество благоденствия, общество благосостояния.

выгорание священнослужителей и монашествующих, вероотступничество как проявления декадентства и ренегатства парадоксальным образом становятся лакомыми темами, выражением самоненависти и своеобразной практической иллюстрацией протеста против имеющихся условий.

Логика развития либерализма постепенно вынуждает его носителя перейти на позицию анти-апологетики. Наглядным примером может служить бесконечная серия статей Андрея Десницкого на информационном ресурсе «Газета.ru», содержание которых состоит исключительно в обнаружении у РПЦ всё новых изъянов, порочащих её связей. Церковь в подобной диспозиции преподносится в роли больного человека, требующего морального шефства над собой со стороны прогрессивной либеральной общественности. Буквальным образом церковными диссидентами используется лекало интеллигентской политической оппозиции, в котором она объявляет себя «совестью нации» и при первой возможности готовится к осуществлению «диктатуры активного меньшинства», к проведению любых реформ, «шоковых терапий», переворотов, расстрелов политических противников из танковых орудий — мероприятий явно антидемократических и антиконституционных, однако выражающих безграничную приверженность ценностям Великого Западного Образа Жизни.

В каком месте происходит разрыв церковных либералов с церковностью, в точности нельзя сказать. Один Бог ведает сердца человеческие. Но можно определённо констатировать, что длительное критическое «полоскание» церковных проблем перед внешней аудиторией ставит вопрос о преимущественном инкорпорировании этих людей в общность секулярного социума или его страт, таких как молодёжные субкультуры или либеральная диссидентствующая интеллигенция.

Наглядный пример представляют информационные атаки на Церковь в 2010–2013 годах, в ходе которых церковные либера-

лы предпочли дистанцироваться от Патриархии и, наоборот, проявить солидарность со светской либеральной столичной интеллигенцией. Последняя, напомним, выступила яростным критиком «дела Пусси райот» и некоторых других резонансных эпизодов, имевших мишенью лично Патриарха Кирилла. Обратим внимание, что избрание Патриарха Кирилла первоначально было прохладно воспринято консервативными, традиционалистски настроенными православными, а церковные либералы тогда радовались и возлагали надежды на нового предстоятеля Русской Церкви в плане церковных реформ. Однако для традиционалиста вера означает любовь к Церкви, преданность Церкви, зримым символом и высшим иерархом которой является Патриарх. Поддержать Патриарха перед внешними нападками представляется естественным долгом совести. В результате на фоне информационных атак внутри Церкви формируется иная конфигурация сил — консервативный консенсус. Либеральное сознание, напротив, ассоциирует себя с Церковью, лишь исходя из факта соответствия последней либеральной аксиоматике. Либеральное сознание очень чувствительно к оценкам светскими либеральными авторитетами состояния церковных дел и личных качеств иерархов и проповедников. Для либерала референтна, в первую очередь, позиция либерального клуба, хотя бы таковой и состоял в основном из людей нецерковно и светски ориентированных. Негативный отклик клуба на действия и заявления церковных лиц порождает в среде церковных либералов чувство раздвоенности, что часто оканчивается для них уходом в церковное диссидентство.

Этический стандарт либерализма обусловлен прежде всего личными связями членов клуба. В итоге, известный принцип «рукопожатности» заменяет церковному либералу ценностные критерии и императивы, включая и доктринальную дисциплину. Любопытный сюжет можно было наблюдать на Крите в дни работы Собора представителей ряда поместных Церквей. С открытым письмом

к Собору обратилась организация под названием «Православная рабочая группа Европейского форума ЛГБТ-христианских групп». В письме шла речь о необходимости смягчения позиции Церкви по отношению к лицам нетрадиционной ориентации и о возможности признания совместимости таковой со статусом православного верующего. Нужно сказать, что для православной среды и Русской Церкви в частности тематика богословского оправдания ЛГБТ не является актуальной в аналогичной или хотя бы приблизительно той же степени, как в некоторых западных протестантских сообществах. Даже внутри католицизма, существенно либерализованного в десятилетия после II Ватиканского собора, дискуссии о легализации «однополой любви» остаются за пределами официальной повестки. Тем паче в России, в среде православного духовенства и паствы, общественное мнение по отношению к подобным попыткам остаётся сугубо негативным. Появление упомянутого открытого письма осталось бы малозначащим эпизодом, прошло незамеченным, если бы неожиданно не обнаружилось, кто является его автором. Некто М., человек весьма известный в московской либеральной тусовке — прихожанин храма Косьмы и Дамиана, проживающий последние годы за границей в Польше в паре с гомосексуальным партнёром. Ввиду данного обстоятельства определиться с отношением к письму церковным либералам оказалось гораздо сложнее. С одной стороны, они понимали, что для богословской реабилитации меньшинств время пока не пришло и почва не готова. Притязания западных геев и лесби на равенство прав, включая полную толерантность к себе в церквях, возможность избираться в клир, принимать сан, заключать браки, в российских условиях расцениваются сугубо отрицательно: как проявления распада западных общества и культуры, попираания основ, грубого давления и размывания христианского вероучения. Но когда на другую чашу весов оказалась поставлена одна-единственная рукопожатная персона М., его страдания от пребывания в «гомофобной среде»

вызвали у либералов уже вполне ощутимое сочувствие. Письмо «Европейского форума ЛГБТ-христианских групп» к Критскому собору стало обретать в их сообществе положительные коннотации. Смягчение доктринальной позиции Православия по отношению к ЛГБТ, понимаемое в виде смягчения отношения к конкретному М., начало мыслиться многими уже более оправданным и естественным.

Окажись режиссура этой провокации более развёрнутой, симпатизанты М. могли бы в короткие сроки составить движение за пересмотр положений православной доктрины в пользу согласия с присутствием в Церкви особых «ЛГБТ-христиан». Конфликт со сторонами традиционной морали дополнительно подпитал бы ажиотаж вокруг этой темы, вызвал усиленный медийный интерес, противоречивые трактовки, привёл бы к новому витку информационных атак, обвинений и провокаций. Запутанный клубок проблем возник бы в неожиданном месте, вдруг, буквально «из ничего». Причиной же взрыва, кризиса нешуточных масштабов явился бы, как это ни странно, «казус М.» вкупе с видеоизменённой оптикой этики-совести церковных либералов.

Либеральное сознание — сознание ассимилируемое, стоящее под определяющим влиянием секулярных концепций. Инфильтрации от мира внутрь Церкви имели место в разные времена. К примеру, говорят об инфильтрациях языческой римской государственной идеологии после эдикта 312 года, изданного императором Константином. В советский период также было заметно желание подстроить церковную доктрину под господствующую идеологию с целью создания специфического «богословия Октября». На сегодняшний день инфильтрации носят, по преимуществу, либеральный характер. Разумеется, существует проблема державнических, националистических, советистских, сталинистских аллюзий на темы православия, но доминирующий идеологический перенос генерируется именно в дискурсе «прогрессивной западной цивилизации».

При переходе на либеральные позиции происходит своего рода «переобращение». Своим реальным кредо человек имеет некий набор социально-либеральной догматики, её лапидарных формул-аксиом: «свобода лучше, чем несвобода», «власть противопоставлена обществу», «личный выбор — превыше всего», «защита прав и свобод человека» и так далее. Внутри Церкви складывается круг исповедующих некую видоизменённую веру, вернее, квазирелигию — прогрессизма, социального фундаментализма, причём исповедующих её фанатически.

Что такое социальный фундаментализм? В последние 30–50 лет религиозные сообщества взаимодействуют с мирским окружением и ощущают себя в мирском окружении принципиально иначе, чем раньше. На глазах у последних двух-трёх поколений развёртывается, по существу, новый рукотворный «социальный космос», которым выводится из поля зрения космос естественный. На данной базе формируется особый тип мировосприятия, который может быть назван социальным фундаментализмом. Это мировосприятие отличается от прежней культурной и духовной традиции, основанной на тесной связи с естественным миром, Божиим творением. Вместо этого за объективную реальность принимается реальность, которая даётся преимущественно в социальных ощущениях. Современное общество самодостаточно, замкнуто на себя и источниками откровения в нём служат его внутренние экономические, политические, бюрократические, обывательские гении и музы. Перемещение на новое поле и закрепление «старых», «классических» культур и вероисповеданий в контуре нового рукотворного мироустройства носит название «социализации».

Что происходит в поле социального фундаментализма? Давным-давно, в самом начале развития теории социальности, Дюркгеймом была выражена мысль, что процессы в теле общества не есть чистая арифметика, что они сложным образом влияют на людей и социальные институты. То есть существует некая мисти-

ка, метафизика современной цивилизации, больших человеческих масс, мегаполиса. Сам Дюркгейм предлагает к использованию понятие «божественного социального». «Общество, — утверждает он, — и есть Бог». Можно было бы списать это утверждение на волюнтаризм автора, но развитие событий показывает, что тематика социального всё более затуманивается, мистифицируется, несмотря на развитие знания, объективных методов исследований, широчайшего обмена информацией. На сегодняшний день человечество обладает крайне смутным представлением о том, что является движущими силами истории и по каким закономерностям происходят изменения в обществе. И дело не только в факторах скрытого управления и манипулирования. Стержневые концепции, такие как теория общественного договора, теория гражданского общества, теория модернизации, теория свободного действия, *laissez-faire*⁶, монетарная теория, теория сингулярности, электоральная теория, схема мейнстрим/маргинес, экономические циклы, «длинные волны», «короткие волны», пресловутая пирамида потребностей Маслоу имеют в своём основании серьёзнейшие пустоты, уходят своими корнями куда-то во мглу внерассудочного, культового, принимаемого на веру. Тот, кто имеет дело с современными гуманитарными науками, знает, как много внутри этих областей проявлений иррационального, пралогического, выражаясь термином французского исследователя психологии простейших анимистических обществ Люсьена Леви-Брюля.

Леви-Брюль в конце XIX — начале XX веков посвятил свою научную деятельность доказательству фундаментальной перестройки, рационализации мышления под воздействием прогресса, описанию изменений, происходящих с современным сознанием по отношению к сознанию архаических, не захваченных цивилизацией племён. Увы, европеец или американец, представители прогрессивной части чело-

⁶ *Laissez-faire* (фр. позвольте-делать), экономическая доктрина, провозглашающая минимизацию государственного вмешательства в экономику.

вещества XXI века, демонстрируют многие особенности древнейшего, дологического и магического мышления.

По Веберу, естественный мир расколдован; по Ницше, «Бог умер»; согласно Дюркгейму, сакрум перенесён с небес («Общество и есть Бог»). Однако в результате мы наблюдаем отнюдь не рационализацию сознания в духе философии Просвещения, а совершенно противоположный процесс. Современность заново переживает эффект околдовывания и сакрализации. Предметом нового культа становится социум, внутри которого различаются неясные метафизические бурления. Отсюда происходит вся психосемантика «невидимой руки», «плавильного тигля» — субституций Бога Вседержителя и Промысла. Общество — это «чёрный ящик», и человек соотносится с этой социальной алхимией по принципу «мистического соучастия», партиципации («мистическая сопричастность», фр. *participation mystique*, также понятие Леви-Брюля). Как это действует, до конца не понимает никто. Но так же, как древний дикарь-анимист, современный обыватель на всякий случай предпочитает чтить социальные алтари и кумиры и лишний раз не гневить ревнивых божеств политики, экономики, социальной сферы.

Например, «социализация ребёнка» в последнее время часто провозглашается главным и наиболее важным аспектом взросления. Родители, старшие, по сути, самоустраняются, предоставляя ребёнку вольницу, свободное обращение со сверстниками в среде соцсетей и неурегулированных, хаотических, люмпенизированных отношений. Казалось бы, что в этом хорошего, какая педагогика может строиться на стихии «тусовки», этого современного беспризорничества? Но страх якобы необратимого ущерба из-за «недостаточной социализации», до конца не выясненных, но почитаемых в качестве поистине ужасающих последствий, перевешивает. Среднему родителю сложно определить содержание понятия «социализации», выглядящего более чем странно. Однако под влиянием доводов социального фундаментализма, либеральной аксиоматики он ни за что не возьмётся пе-

ременить ребёнку среду общения, панически смотрит на воспитание собственными силами, в домашнем кругу, таким образом наглядно демонстрируя иррациональность и низкопоклонство современного представления о социальности.

Как меняется ситуация в рукотворном социальном космосе, наглядно показывают перемены на уровне афористики — исчезновение и, наоборот, введение в обиход новых пословиц и поговорок. Афористичная форма всегда выражала сконцентрированную этику. «Сколько верёвочке не виться...», «капля камень точит», «старый друг лучше новых двух». Новая аксиоматика — это «бабло побеждает зло», «бери от жизни всё», «я никому ничего не должен», «не делай добра, не получишь зла», «все не могут ошибаться».

Либеральный переход имеет под собой изменение причинно-следственных зависимостей — с тех, что были в естественном космосе, на те, что справедливы для космоса рукотворного. Всё вместе это напоминает суперрелигию, откуда в своё время явятся и семь всадников Апокалипсиса, и Вавилонская блудница, и какие угодно типажи, в буквальном ли персонифицированном качестве или на уровне аффектов коллективной психологии.

Религия, напротив, десакрализуется и из носительницы высшего откровения низводится до положения одного из общественных феноменов, подвида идеологии и субкультуры, включаемого в современное общество на правах «дочернего», аффилированного, младшего по рангу. Религиозным сообществам предоставляется небогатый выбор: согласиться на социализацию либо быть отнесенными к категории маргинальных.

Часто можно слышать о наступлении новой эпохи постсекуляризма. В общем примере возвращение религиозного фактора в политику и общественную жизнь церковными экспертами оценивается положительно. Однако такое возвращение мало меняет соотношение сил, ибо цивилизация в целом продолжает существовать на безрелигиозных, секулярных началах. Черета изменений, реформ, инно-

ваний продуцируется отнюдь не духовными факторами (знаменитое «Компьютер работает без богословия»). Феноменология религиозных сообществ, их внутреннего «конфессионального мира» значительно уступает в разнообразии и силе миру секулярному.

IT WORKS!⁷ — мощнейший и универсальный аргумент агностиков и атеистов. Моральные качества словно бы не требуются в процессе творения нового. Правда, потом мы видим побочные следствия «IT WORKS!» в чудовищных механизмах военного уничтожения, в многочисленных подменах и фикциях, наподобие индустрии синтетической пищи, в посягательствах на самую идентичность человека, в биогенетических экспериментах или создании смешанных человеко-кибернетических систем.

Тем не менее ни одна из религий не торопится дать исчерпывающее объяснение цивилизационным процессам, проповедать идею мироустройства альтернативного секулярному. Слишком долго прогресс двигался энергией безрелигиозного поиска, слишком сильна оказалась в результате тяга к эмпирии, к обустройству «этой», а не «той» жизни... В крайнем случае, религии предпочитают занять позицию морального комментатора, голоса Очевидности по отдельным вопросам или, в случае современных теократий Востока, используют религиозный фактор для укрепления связности политической конструкции и мобилизации масс. Впрочем, сциентизм, техницизм, прагматика современности не лучшим образом отражаются на религиозной ментальности. Они проникают глубоко в ткань религиозной психологии и начинает видоизменять её под себя. Религиозные сообщества охватывает тоска по своему положению, связанная с ощущением собственной малости, провинциализма, заброшенности («гетто», в терминологии нынешних православных). В них разрастается конфликт со своей «старой моралью», в большей части интроспективной и лишь когда-то давно смевшей стоять независи-

⁷ It works! — англ., Это работает!

мо от общественной проблематики, быть единственно актуальной. Требование модернизации воспринимается как абсолютный и самоочевидный императив, устраняющий дискомфорт от пребывания в ограниченном и периферийном по отношению к мейнстриму пространстве — «гетто». «Свобода», в противоположность существованию в «гетто», в новом религиозном сознании парадоксальным образом закрепляется за «большим социумом». «Быть свободным» на языке социализированного христианства, по факту, означает не испытывать затруднений, связанных с религиозной самоидентификацией, в доступе к личным возможностям и благам. Для религии, традиционно мыслившей себя хранительницей истины, светом миру, такой переворот оказывается равносильным потере воли к жизни, пораженчеству и обречённости — утрате мотиваций к выживанию и сохранению собственных принципов.

Постсекулярность — это предложение неравного брака или письмо под диктовку. Хотя, по видимости, за религиозным фактором признаётся некоторое значение, конфессиональные сообщества ангажируются к диалогу, но в качестве партнёра секулярному актору нужны не аутентичные традиции, а их социализированные версии. По результатам социализации, разные религиозные системы, например, Православная Церковь, или новые протестантские движения, или восточные культы «пристраиваются к делу» и получают свой «социальный паспорт». Так, для православия в России «паспортными качествами» оказываются патриотизм, этатизм, проповедь межконфессионального мира и идеологические аллюзии на тему отечественной истории. Создается и альтернативная версия паспорта: с акцентом на правах и свободах, борьбе с коррупцией, критике отечественной истории.

Социализированные религии — пасынки и падчерицы социального фундаментализма, бледные тени собственных исторических традиций, крайне поверхностные, лишённые трансценденции и, по существу, смирившиеся с собственной невозможностью. Конфессио-

нальные авторитеты поневоле сами вынуждены умерить интенции своей проповеди, избегая внушать последователям логику автаркии, пренебрежения миром и земными благами. Ибо результатом «неотмирных» призывов в обстановке недостатка трансценденции становится не столько духовный рост, сколько закономерное движение вниз по ступеням социальной лестницы, либо эксцессы экстремизма, что ещё более прискорбно.

Диалог с обществом или с современностью — это один из ключевых тезисов церковного либерализма. Как выглядит такой диалог, нетрудно увидеть на примере западных протестантских деноминаций. На первых порах имеют место беседы о благе социального служения и неполноценности конфессиональной жизни внутри «гетто»; на следующем шагу выясняется, что Церковь не может рассчитывать на внимание общества до тех пор, пока не станет разделять основные постулаты социального фундаментализма. В финале диалога встаёт требование о фактическом самоупразднении, его общеевропейский вариант — в беспечальной атмосфере welfare society клерикалы одни мучаются исторической виной и вынуждены отречься от упоминаний о своих принципах.

В первоначальных доктринах лютеран, англикан, епископалов не было ничего напоминающего теперешнюю проблематику женского священства или признания гомосексуальных союзов. Но изменяется модальность общественных процессов, и богословие послушно следует показаниям социального разума, дрейфует за общественным мнением. Не существует развёрнутых теологических, канонических, церковно-исторических обоснований церковных новшеств, единственная их причина — инфильтрации культа «божественного социального». Представители меньшинств всё более представлены в различных сферах общественной жизни. Они благополучны и демонстрируют раскованный, непринуждённый стиль поведения, отвечающий общественным представлениям об адекватности, открытости, свободе, любви. Защитники же патриархата, противники абортов и из-

вращений, напротив, чем дальше, тем больше выглядят загнанными в угол, малосимпатичными, озлобленными субъектами. Поэтому выбор в пользу перемен выглядит как эмпирически очевидный. С ним наступает конец исповедания и трансформация в религию общественного мнения, догма которой — «все не могут ошибаться».

Таковы основания и перспективы «либерального христианства» или «социального христианства», формирующегося в диалоге с современностью. В диалоге, для которого сложились максимально неудобные условия, когда мир переживает пик могущества и настаивает на своём. Однако нельзя сомневаться в том, что случится то, что должно случиться: фиктивные финансы не смогут прикрыть противоречий, и триллионы «бабла» спасуют перед «злом». *Sic transit gloria mundi*⁸.

⁸ *Sic transit gloria mundi* — лат., Так проходит слава мирская.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК И НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ 1917 ГОДА

Серебряный век был довольно коротким периодом в культурной истории России. По разным оценкам, он начался в начале XX века и закончился в 1917 году, то есть продлился менее двух десятилетий. Почему он называется Серебряным? Потому ли, что был уникальным, величественным, сопоставимым по своему значению лишь с Золотым веком русской литературы?

Однажды Антон Павлович Чехов в письме к Алексею Николаевичу Плещееву со свойственной ему иронией выразился так: «Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите! Узость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают своё дело. Все эти Гольцевы и Ко. напустят такой духоты, что всякому свежему человеку литература опротивеет, как чёрт знает что, а всякому шарлатану и волку в овечьей шкуре будет где лгать, лицемерить и умирать “с честью”»¹.

Антон Павлович не только как писатель, но и как доктор не ошибся в своём диагнозе. Интеллигенции Серебряного века было свойственно равнодушие к собственной судьбе, проклинание Бога и отцов, отрицание семьи и святости, культ греха, поиск наслаждений в своей короткой и бессмысленной жизни. Этот век поразили культурный мир свободой русского одиночества. Деятели Серебряного века уте-

¹ Бердников Г. П. «Чехов». М.: Молодая гвардия, 1974.

шались наркотиками, погружались в содом, стрелялись и топились.

Так, в 1913 году поэт Валерий Брюсов, оставшийся известным и уважаемым и в Советской России, подарил своей возлюбленной, поэтессе Надежде Львовой, браунинг. Оба, и Брюсов, и Львова, употребляли морфий и страдали от своей любви. Однажды Львова использовала подаренный ей браунинг по назначению — застрелилась. Среди людей их круга такие случаи не были чем-то из ряда вон выходящим. Как заметил Станислав Куняев, исследователь этой тайной стороны Серебряного века, в конечном счёте самоубийство стало обычным явлением для этой «серебряной» среды. Растление душ, как правило, завершалось жертвоприношением тел. Особенно рекордным по числу самоубийств был предвоенный 1917 год. Дети Серебряного века очень любили в своих стихах намекать или прямо говорить, что они играют с адскими силами, что они накоротке с владыкой тьмы, что их притягивают тёмные бездны зла.

Такие игры для их участников и для истории никогда не проходили бесследно. Игра в ад всегда заканчивались настоящим адом. Философ русского зарубежья Фёдор Степун² вычленял в структуре революционного духа три уровня: первый — энергия молодёжи, второй — энергия преступных элементов, третий — энергия особых демонических сил. Эта формула универсальна и действует вплоть до сегодняшнего дня. Думается, что подошедшая к краю духовной пропасти интеллигенция чувствовала, что оказалась между жерновами, и ей уже не суждено спастись. Зинаида Гиппиус описала это ощущение в 1909 году в стихотворении «Петербург» такими страшными словами:

Твой остов прям, твой облик жёсток,
Шершавопыльный — сер гранит,

² Фёдор Августович Степун (18 февраля 1884, Москва – 23 февраля 1965, Мюнхен) — социолог, историк, философ-неокантианец, литературный критик, общественно-политический деятель.

И каждый зыбкий перекрёсток
Тупым предательством дрожит.

Твоё холодное кипенье
Страшной бездвижности пустынь.
Твоё дыхание — смерть и тленье,
А воды — горькая полынь.

Как уголь, дни, — а ночи белы,
Из скверов тянет трупной мглой.
И свод небесный, остеклелый
Пронзён заречною иглой.

Бывает: водный ход обратен,
Вздыбась, идёт река назад...
Река не смоет рыжих пятен
С береговых своих громад,

Те пятна, ржавые, вскипели,
Их ни забыть, — ни затоптать...
Горит, горит на тёмном теле
Неугасимая печать!

Как прежде, вьётся змей твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрёт тебя победный
Всеочищающий огонь, —

Нет! Ты утонешь в тине чёрной,
Проклятый город, Божий враг,
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк.

Такое жуткое пророчество демонстрирует внутреннее состояние его автора. При этом оно было выражено очень известной и талантливой поэтессой, одним из духовных лидеров Серебряного века.

С восторженно-декадансным состоянием интеллигенции соседствовало деморализованное состояние народа. 3 марта 1917 года, в разгар революционного движения, французский посол Жорж Морис Палеолог в своём дневнике размышлял над словами Феофана, епископа Вятского, о моральных настроениях в народе. Факты, которые привёл посол, весьма любопытны: «Кинематографы, которые теперь можно видеть в любом местечке, тоже являются причиной нравственного разложения. Эти мелодраматические приключения, сцены похищения, воровства, убийства слишком опьяняют простые души мужиков — их воображение воспламеняется, они теряют рассудок». Кино тоже создавалось «серебряной» творческой интеллигенцией и находилось под влиянием её культуры.

Епископ Феофан отмечал небывалое число сенсационных преступлений, произошедших за последние несколько месяцев не только в Вятской епархии, но и в соседних: в Екатеринбурге, Тобольске, Перми и Самаре. Кроме того, он указывает на совсем новый порок, «о котором русские массы не имели даже никакого представления до последнего времени и который представляет для них гнусную привлекательность: морфий». «Зло вышло из всех этих военных госпиталей, покрывающих страну. Многие врачи и аптекари приобрели привычку впрыскивать себе морфий; через них употребление этого лекарства распространилось среди офицеров, чиновников, инженеров, студентов. Вскоре и больничные служители последовали этому примеру. Это было гораздо опаснее, потому что они начали морфий продавать»³. Символично, что в период, который мы сегодня называем Серебряным веком, морфий продавался в аптеках в серебряных колбочках.

³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Пер. с фр. 2-е изд. М.: Межд. от-
нош., 1991.

Александр Блок, знаменитый поэт Серебряного века, видел проблемы происходящего в духовном состоянии людей: «Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, — всё меньше; мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не поделаешь. Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богоборчества» декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением — развратом, пьянством, самоубийством всех видов»⁴.

Христианский философ Семён Людвигович Франк в своей статье «Этика нигилизма», вошедшей в знаменитый сборник «Вехи», так объяснял природу политического сознания разночинной интеллигенции: «Весь политический и социальный радикализм русской интеллигенции, её склонность видеть в политической борьбе, и притом в наиболее резких её приёмах — заговоре, восстании, терроре и т. п., — ближайший и важнейший путь к народному благу всецело исходит из веры, что борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых социальных форм сами собой обеспечивают осуществление общественного идеала». <...> Психологическим побуждением и спутником разрушения всегда является ненависть, и в той мере, в какой разрушение заслоняет другие виды деятельности, ненависть занимает место других импульсов в психической жизни русского интеллигента»⁵.

Ещё проще смотрел на эту проблему Алексей Сергеевич Суворин, мрачный издатель «Нового времени», крупнейшей российской газеты, которую читал даже царь. 29 мая 1901 года он оставил в своём дневнике запись: «У нас два царя: Николай II и Лев Толстой.

⁴ Блок А. А. Народ и интеллигенция // Собрание сочинений в 8 т. М.-Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1962. Т.5, с. 318–328.

⁵ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и др. М.: Новости, 1990.

Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии». Тот же Суворин после встречи с Достоевским (важная деталь) отмечал в дневнике поразительное признание великого писателя: «Тут же он сказал, что напишет роман, где героем будет Алёша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...»⁶ Достоевский, глубоко православный писатель, монархист, именно так видел туманное будущее, но он не был «революционным пироманом». В самой истории страны была заложена странная матрица — разрушения и одновременно обновления, что уже случалось и при Иване Грозном, и при Петре Великом, и при Александре II Освободителе. Александр Блок в 1908 году в статье «Народ и интеллигенция» определил проблему так: «Действительно ли это всё так, как я говорю, не придумано ли, не создано ли праздным воображением страшное разделение? Иногда сомневаешься в этом, но, кажется, это действительно так, то есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч — с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение, непрестанная смена направлений, настроений, боевых знамён. <...> Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина»⁷.

Интеллигенция видела и сознавала своё положение. Но как объяснить то, что именно она согласилась стать бродильными дрожжами Февраля? Почему она не видела иного пути? Неся идею культурного прогресса, обслуживая финансовую и промышленную

⁶ Суворин А. С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М.: Независимая Газета, 2000.

⁷ Блок А. А. Народ и интеллигенция // Собрание сочинений в 8 т. М.-Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1962. Т. 5, с. 318–328.

олигархию и уповая получить свою часть власти, интеллигенция во время войны сделала свой выбор. Победа императорской России в войне была для неё нежелательной, причём это выразилось в поразительном призыве не так, как у европейских социал-демократов, в швейцарском Циммервальде, а дома, в повседневной, по виду даже патриотической пропаганде. Уже на второй день войны Зинаида Гиппиус написала в своём дневнике: «Что такое отечество? Народ или государство? Всё вместе. Но, если я ненавижу государство российское? Если оно — против моего народа на моей земле? <...> Военная победа — укрепить самодержавие... <...> Учитывая реальность войны, я желаю сейчас победы союзников»⁸.

Эта двойственность со временем стала проявляться во всё более жёстких формах. Культуролог Владимир Вейдле отмечал: «Ленин был едва ли не одарённейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию. Свой изумительный талант революционера доказал всем своим руководством революцией, лишь по видимости основанным на учении о классовой борьбе, на самом деле проистекавшим из понимания исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, то есть человеку, быть может, и небогатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью»⁹.

Народная Русь, со времён Петра более 200 лет ощущавшая себя под «романно-германским игом» (определение Николая Трубецкого), обрушилась на Санкт-Петербургскую империю в цивилизационном конфликте небывалой силы. Идея справедливости и правды победила идею закона и реформ. Вспомним высказывание Бердяева: «Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре»¹⁰.

⁸ Гиппиус З. Н. Дневники. М.: Захаров, 2017.

⁹ Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001.

¹⁰ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012.

Накануне Первой мировой войны в Суворинской газете «Новое время» была опубликована статья Михаила Осиповича Меншикова «Секреты немецких успехов». Это была главная консервативная газета того времени, и она читалась в России всеми, включая царя. В ней Меншиков писал: «Мы плохо знаем и Германию, и Россию. Твердя, что Францию победил под Седаном школьный немецкий учитель [речь о франко-прусской войне 1870–1871 годов, когда Германия победила Францию и стала империей — С. Р.] мы не догадываемся, что Россию разбил под Мукденom... [речь о русско-японской войне 1904–1905 годов — С. Р.] русский школьный учитель. Именно своей отвратительной школе сверху донизу Россия обязана и военными, и мирными своими поражениями. «Когда попадёшь в народную школу Германии, — пишет мне упомянутый почтенный учёный, — то наглядно убеждаешься, что иных результатов, кроме великих, она дать и не может. До такой степени там поставлена просто и здравомысленно фабрикация пригодных к жизни молодых людей. В простоте и здравомыслии школьных приёмов вы, однако, различите великие начала, высказанные когда-то плеядой гениальных педагогов начиная с Коменского. Например, концентрация преподавания различных предметов кроме знаний вводит в душу ребенка одни и те же положения нравственного порядка — любовь к семье, к родине, к отечеству, религиозность, мужество, верность, правдивость и т. д. Немецкая школа воспитывает нравственных людей, наша же, схоластическая, развращает их. «Du, Deutsches Kind, sei tapfer, treu und wahr!» («Немецкий ребенок, будь храбрым, преданным, честным!») — вот моральный лейтмотив немецкой школы. Часто ли он слышится в русской? В то время как немецкая школа не стыдится открыто выставить добродетель как национальное преимущество немцев, у нас само слово «добродетель» иначе не произносится, как иронически. Благодаря способу воспитательного преподавания дети кроме знаний выносят из немецких школ нечто неизмеримо более драгоценное — чувство долга, нравственные правила, вполне определённые, составляющие как бы

кремль души. Кругозор немца, может быть, и замкнутый, но стойкий, дающий опору благородному характеру. Какое великое облегчение для большинства средних натур иметь уже заранее готовые директивы поведения и во многих жизненных случаях поступать не думая, не колеблясь, по привычке и в то же время правильно, без ошибки. Для свободы остается ещё много места, но она рационально стеснена и не является беспочвенной, как у нас»¹¹.

Отдельно стоит вопрос о положении и настроении русского духовенства, численность которого насчитывала десятки тысяч человек. Государство не уделяло должного внимания этому вопросу и не укрепляло авторитет своего естественного и массового союзника. Авторитет сельских батюшек был низок, они были бедны и морально зависели от крестьян. В истории сохранилось много житейских историй, подтверждающих этот факт. Например, крестьяне, долженствующие содержать приход и священников, должны были оплачивать требы, давать своеобразный религиозный налог. Иногда священнику давали плату натуральном продуктом, например, курицей в мешке. Бывало, открыв дома мешок, священник видел, что там вместо курицы — ворона.

Вот как после Октябрьской революции выглядела русская деревня, согласно одному этнографическому исследованию: «Деревенская Россия вся расписана на колдовские приходы, нисколько не хуже церковных. В каждом селе четыре основные фигуры: священник, учитель, фельдшер, колдун. Частенько не хватает учителя, фельдшера, батюшки, но колдун уж, наверное, есть. Колдуньи же прямо на каждом шагу... Раньше колдовство было запрещённой, подпольной верой, но теперь оно действует открыто. У колдуна приём, порою прямо очередь. В одном селе у колдуна до 4000 пациентов в год, вдвое больше, чем у местного фельдшера. В другом селе порою до ста человек в день... Колдовство вообще не чуждо улучшений и

¹¹ Из статьи М. Меншикова «Секрет немецких успехов» (6 марта 1914 года).

новых приёмов. Оно приняло к себе на службу грамотность, и заговоры теперь записываются на бумажку и сшиваются в тетрадку... С причудливыми заговорами там переплетаются старинные рецепты о действии трав и земель и металлов, тоже унаследованные от седой старины»¹².

Русская этнокультурная система, эволюционировавшая более четырёх веков, к началу Первой Мировой войны приобрела весьма сложную структуру. Можно сказать, она состояла из нескольких частей, находящихся в различных исторических временах, что создавало напряжение. Питирим Сорокин отмечал, что основа гражданской войны – это не экономика, а разные идеологические представления. Именно поэтому сосуществование разных исторических времён было чревато гражданскими конфликтами и была исключительно велика роль института монархии. Единственным гарантом сосуществования двух принципиально различных социокультурных ядер на одной этнической территории был монарх.

Это понимал ещё Александр III, который добивался синтеза двух России: объединения национального мироощущения и современной техники и технологий, подобно тому как проходила индустриализация в Японии. Его сыну это не удалось: русско-японская война вывела этнокультурную систему из равновесия, а революция 1905 года вскрыла не только острейший экономический конфликт между крестьянами и помещиками по поводу земли, но и цивилизационный — желание крестьян выйти из-под власти дворян. Бердяев писал: «Западное просвещение XVIII века в верхних слоях русского общества было чуждо русскому народу... Народ же продолжал жить старыми религиозными верованиями и смотрел на барина, как на чуждую расу... Крестьяне готовы были мстить за своих дедов и прадедов. Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык,

¹² Тан-Богораз В. Г. Старый и новый быт // Старый и новый быт: Сборник. Л.: Гос. изд., 1924.

был совершенно чужд народу-крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»¹³.

Чтобы лучше понять внутриэлитные противоречия времён Серебряного века, можно обратиться к более близкой нам эпохе — перестройке.

Один из членов Политбюро ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев, архитектор перестройки, позже так описал процесс идеологического и государственного обрушения Советского Союза: «После XX съезда [тогда он уже работал в ЦК партии — прим. Рыбаса] в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Выбирали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, чётко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения «культа личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущёв, а с чётким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна»¹⁴.

Эти строки написаны в предисловии Яковлева к «Чёрной книге коммунизма», изданной в Москве в 1999 году. Если учесть, что Яковлев был ближайшим сотрудником Горбачёва и имел колоссальное влияние на пропагандистскую машину государства, то проведённую

¹³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

¹⁴ Цит. по: Чёрная книга коммунизма / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковский, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен. М.: «Три века истории», 2001.

им кампанию десталинизации и уничтожения идейных основ Советского Союза, включая дискредитацию Победы, можно оценить фантастически действенной.

В 1989 году меня пригласили на Центральное телевидение (Центральное телевидение Гостелерадио СССР) главным редактором литературно-художественной редакции (позже я руководил двумя редакциями, был генеральным директором телевизионного объединения, которое сейчас называется канал «Культура»). Однажды мне позвонил А. Яковлев: «Надо давать побольше рока!» Потом звонит Е. Лигачёв, тоже член Политбюро, консерватор: «Побольше народной музыки и никакого рока!» Это означает, что власть была полярно размежёвана. Никто тогда не собирался разрушать Советский Союз так же, как до этого либеральная публика не собиралась разрушать Российскую империю. Часть элит просто хотела поменять власть, распорядиться ею по своему усмотрению.

На советском Центральном телевидении, в бытность моей работы на нём, были две группировки: одна государственническая, в которую я входил как один из неформальных лидеров, и другая, противостоящая ей молодёжная редакция, — Сагалаев, Лысенко, Любимов. Они выступали за то, чтобы демонтировать советскую власть, настаивая на том, что тогда всё будет хорошо. Но проблема была не в этих отдельных людях: само государство (это же было государственное телевидение) пошло на то, чтобы держать эти две группировки. Накануне референдума о судьбе Советского Союза в марте 1991 года я записал несколько передач для программы «Вечера в Останкино» на «Первом канале», беседовал с академиком Игорем Шафаревичем, выдающимся математиком мирового уровня, соратником Солженицына и соавтором сборника «Из-под глыб». Игорь Александрович, несмотря на критическое отношение к реалиям Советского Союза, высказался однозначно: ни в коем случае нельзя разрушать государство, это высшее достижение России, его можно реформировать, но не разрушать. Также мы сделали ещё одну запись с выступлением Кубанского казачьего хора под руко-

водством В. Захарченко (эта музыка будила патриотические чувства). Я взял эти две кассеты и пошёл к председателю Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию Л. П. Кравченко с просьбой поставить эти передачи в эфир (оставалось два дня до референдума). Он закрылся на ключ в своём кабинете, (подчёркиваю: закрылся!) и смотрел мои кассеты, после чего сказал: «Чтоб никто не знал». Он сломал сетку вещания, которая планируется заранее, и поставил эти передачи в эфир. Что здесь важно: председатель Госкомитета закрылся, потому что боялся, что кто-то узнает и доложит «наверх», после чего ему позвонят от более высокого руководства и запретят ставить в эфир материалы в поддержку Советского Союза. Этот пример демонстрирует, что тогда власть раскололась внутри себя.

Ещё был случай примерно в это же время: я сделал передачу, посвящённую статье Солженицына «Как нам обустроить Россию» (статья опубликована в 1990 году). Для неё мы взяли интервью у нескольких «оппозиционеров» — православных философов. После того как передача прошла в эфире, на следующей летучке (всё руководство собиралось по понедельникам, в том числе политические обозреватели) Владимир Познер, политический обозреватель, обратился ко мне со словами примерно следующего содержания: поскольку у нас Церковь отделена от государства, то цитирование Библии подлежит судебному преследованию. Для меня эти слова были шокирующими. Я не подозревал, что во времена поздней перестройки цитировать Библию было таким страшным преступлением, но Познер обрушился на меня с яростью врага. Это были последние месяцы жизни Советского Союза.

В этом смысле в позднем Советском Союзе повторился такой же раскол внутри элиты, какой был во время Серебряного века, и в этом смысле повторилась история.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И НЕОКОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Со времён глубокой древности человеческое общество вырабатывало два диаметрально противоположных отношения к родной стране. Одно из них, восходящее через Пакувия¹ к Аристофану², пародировавшего известный стих Софокла, обрело всемирную известность в ироническом пересказе Марка Тулия Цицерона. Ведь именно у Цицерона в его «Тускуланских беседах» (V, 37, 108) было чётко сформулировано: «Patria est ubicumque est bene»³ («Отечество везде, где нам хорошо»). Эти слова и легли в основу известного латинского афоризма: «Ubi bene, ibi patria» («Где хорошо, там и отечество»⁴).

Вместе с тем древний мир знал и совершенно иное отношение к Родине⁵, лучше всего выраженное в словах Горация:

¹ Расивий родился около 219 г. до н. э. в Брундивии. Он был сыном сестры Энния, другом Лелия и до глубокой старости проживал в Риме, занимаясь сочинением трагедий и живописью. Под конец жизни удалился в Тарент, где и умер 90-летним старцем около 132 г. до н. э.

² Образцом для Пакувия, по всей видимости, послужил стих Софокла, пародируемый Аристофаном («Богатство», 1151): «Везде отечество, где жить нам хорошо».

³ Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М.: «Русский язык», 1988, с. 810 – 811.

⁴ Ciceronis M. Tullii Opera quae supersunt omnia. Vol. 17. Mannhemii, Cura et Sumptibus Societatis litteratae, 1787, p. 288.

⁵ Даже понимание того, что «Et fumus patriae est dulcis» («И дым отечества сладок»), в конечном счёте, восходит к античности, к «Письмам с Понта» Овидия (I, 3, 33).

Dulc(e) ét decórum (e)st pró patriá mori⁶
(«Сладостно и почётно за родину умереть»)
(Оды, III, 2, 3).

Вся последующая история человечества, включая обстоятельства образования и распада СССР, даёт нам бесчисленное количество свидетельств, когда реализовывалось либо первое, либо второе отношение к Родине. В нашей стране после 1917 года становление массового патриотического сознания происходило в мучительном противоборстве двух названных тенденций. Ведь ещё в позапрошлом веке тяжелейшие условия жизни рабочего класса в подавляющем большинстве европейских стран позволили авторам «Манифеста коммунистической партии» бесстрашно провозгласить: «Die Arbeiter haben kein Vaterland»⁷ («Рабочие не имеют отечества»). Логическим следствием такого радикального антипатриотического вывода, несомненно, стал итоговый призыв: «Proletarier aller Länder, vereinigt euch!»⁸ («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»)

В начале XX века базовая идеологическая установка марксизма в сфере политической практики трансформировалась в известное ленинское положение: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают её только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов»⁹.

Поразительно, но эту ленинскую идейную установку воспринял и пронёс через немецкий плен и сотрудничество с гитлеровцами

⁶ Horatius. Opera. Edidit Fridericus Klinger // Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Ltipzig, BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1982, p. 67.

⁷ Marx K., Engels F. Manifest der kommunistischen Partei// Werke, Bd. 4, Berlin, Dietz Verlag, 1990, S. 479.

⁸ Marx K., Engels F. Manifest der kommunistischen Partei// Werke, Bd. 4, Berlin, Dietz Verlag, 1990, S. 493.

⁹ Ленин В. И. О поражении своего правительства империалистической войне // ПСС, Т. 25, М., 1973, с. 1

генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов, кстати сказать, участник Гражданской войны на Врангелевском фронте. Если обратиться к сборнику «Следствие продолжается», где мне довелось издавать протокол допроса Власова Андрея Андреевича от 25 мая 1945 года, то мы прочитаем такие слова генерала-предателя: «Начиная с 1937 года, я враждебно относился к политике Советского правительства, считая, что завоевание русского народа в годы Гражданской войны большевиками сведены на нет. Неудачи Красной Армии в период войны с Германией я воспринимал как результат неумелого руководства страной и был убеждён в поражении Советского Союза. Я был уверен, что интересы русского народа Сталиным и советским правительством принесены в угоду англо-американским капиталистам»¹⁰.

Не менее удивительно и то обстоятельство, что даже в 1943 году Андрей Андреевич Власов, находясь уже у немцев, настаивал на том, чтобы его осеняла слава участника Гражданской войны. То есть получается, что в молодости Андрей Андреевич Власов в достаточной мере усваивал социальные идеалы формировавшегося тогда советского общества и настолько хорошо их усвоил, что в его воинских характеристиках говорится о том, что он, естественно, человек политически грамотный. Сам о себе Власов писал: «Никаких колебаний не имел, всегда стоял твёрдо на генеральной линии партии и за неё боролся».

Типичная для марксистского мироощущения увязка чувств «любви к Родине» с характером «социально-экономических условий в стране проживания» неизбежно предопределяла тотальное крушение идеалов советского патриотизма. Если условия жизни в странах Западной Европы и США превосходили среднестатистический советский стандарт качества жизни, то привязанность к СССР в рамках постепенно набирающего силу либерально-материалистического мышления становилась бессмысленной. Сегодня это мироощущение мож-

¹⁰ Вассоевич А. Л. А. А. Власов и новорусская власовщина (К истории возникновения неоколлаборационизма) // Следствие продолжится... Воспоминания сотрудников следственного подразделения. Книга шестая. СПб.: «Специальная литература». 2013.

но было бы выразить в виде краткой латинской формулы: «Ubi male, ibi barbara» («Где плохо, там и чужбина»).

Примечательно, что сходную мысль, хотя куда более многословно, выразили в предпоследний год Второй мировой войны составители «Пражского манифеста»: «Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы (имелись в виду республики и народы СССР — А. В.), которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создавать на ней своё счастье»¹¹. Далее задавалось два риторических вопроса: «За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимы жертвы и страдания?» Ответ, как это ни парадоксально, был выдержан в традиционном марксистском духе¹²: «В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 г., своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги»¹³.

¹¹ Манифест Комитета освобождения народов России. В кн.: Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., «Вече», 2007, с. 409.

¹² Влияние марксистских идеологов при составлении «Пражского манифеста» отмечал еще В. Штрик-Штрикфельд, который в частности писал: «Для бывших советских специалистов народного хозяйства такой подход к этому вопросу был естественен. Они считали, что только государственная монополия на внешнюю торговлю может сохранить слаборазвитое русское народное хозяйство от эксплуатации иностранными капиталистами». См.: Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., «Посев», 1993, с. 353.

¹³ Манифест Комитета освобождения народов России. В кн.: Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., «Вече», 2007, с. 410.

Коль скоро великий прагматический принцип «Ubi bene, ibi patria» («Где хорошо, там и отечество») не смог реализоваться ни в царской России, ни в советской, то, с точки зрения создателей «Пражского манифеста», нужно было естественно переходить на сторону Германии.

Впрочем, в самом Третьем рейхе (для внутреннего употребления) национал-социалистами культивировалась идеология прямо противоположная власовской: «Deutschland, du wirst leuchtend stehen, mögen wir auch untergehen» (Baldur von Schirach — 1933 год). Или возьмём слова другой популярной песни:

So will ich wacker streiten	Хочу сражаться храбро я
Bis an das blut'ge End	До страшного конца,
Daß einst in fernen Zeiten	Чтоб мир Германия моя
Mein Deutschland Frieden fänd'	Когда-нибудь нашла.

Здесь уместно напомнить, что у каждого офицера СС был кинжал с надписью «Meine Ehre heißt Treue» («Моя честь — верность»), и в верности до гроба лично Адольфу Гитлеру клялся каждый член «Охранных отрядов» Национал-социалистической германской рабочей партии. Как мы видим, национал-социалистическая идеология, в отличие от власовщины, считала верность одной из высших арийских добродетелей.

Широкомасштабное оправдание всевозможного предательства начинается в нашей стране на исходе 80-х годов прошлого века и связано с горбачёвской «перестройкой». Естественное желание неполных собственников (т. е. тех представителей партийно-хозяйственного актива, которые уже связали себя с теневой экономикой) стать собственниками полными требовало отречения от прежних идеалов социальной справедливости. Однако битва за овладение собственностью величайшей в мире страны предполагала не только разрушение всей административно-командной системы с последую-

щим переходом к приватизации казённого имущества, но и, прежде всего, уничтожение советской системы ценностей, которая пока ещё была значима для широких народных масс.

И тут оказалось, что огромное количество бывших носителей марксистской идеологии повинно в грехе предательства своей собственной Родины. Это прежде всего относится к членам Центрального комитета КПСС, к работникам партийного аппарата. Напомню и о последнем постсоветском предательском «подвиге», ныне сопряжённым в общественном сознании с жуткой киевской трагедией, когда был застрелен бывший депутат Государственной Думы РФ от Фракции КПРФ Денис Вороненков. Его бегство на Украину напомнило нам, что готовность к предательству, к сожалению, иногда проявляется в самых крайних и непристойных формах.

Я не хочу отрицать того, что в СССР были миллионы людей, которые верили в идеалы Великого Октября и героически отдавали свою жизнь за Родину. В то же время носители сугубо материалистической идеологии очень часто поступали более рационально, в соответствии со своими материалистическими (в обывательском смысле этого слова) убеждениями. Для них, коли дым отечества был достаточно горек, предательство собственной Родины оказывалось вполне возможным.

Осенью 2009 года в Москве, в стенах Российского института стратегических исследований, проходил международный круглый стол «Коллаборационизм и предательство во Второй Мировой войне. Власов и власовщина». К этому мероприятию М. Н. Ширяевым, и ныне работающим в РИСИ, был подготовлен фильм, небольшой фрагмент которого я бы хотел процитировать:

«22 июня 2009 года, в день начала Великой Отечественной войны, прошла презентация книги протоиерея Георгия Митрофанова “Трагедия России. Запретные темы и история XX века”. В своей книге Митрофанов поднимает на щит генерала Власова, который в период Второй Мировой войны попал в плен и пошёл на сотрудничество с

властями фашистской Германии. Совершенно очевидно, что презентация подобной книги 22 июня, то есть в день начала Великой Отечественной войны, может трактоваться как умышленное действие, направленное на достижение определённых целей. Интересно, что это за цели, кем они поставлены, и в связи с чем именно сейчас было активизировано данное мероприятие?»

Я не случайно предложил вашему вниманию начальный фрагмент фильма М. Н. Ширяева, чтобы все чётко осознали: в полном соответствии с известным анекдотом о том, что «Россия — родина слонов», мы даже в делах неоколлаборационизма опередили наших украинских братьев. Знаменитое выступление президента Украины Виктора Ющенко, где он провозглашал Бандеру национальным героем, было позже выступлений отца Георгия Митрофанова.

Как известно, 20 января 2010 года Виктор Ющенко, незадолго до окончания своего президентского срока, издал указ № 46/2010, в соответствии с которым Степан Бандера посмертно удостоивался высшей степени отличия Украины — звания Героя Украины. Разрешите привести здесь стенограмму этой церемонии в русском переводе.

В. Ющенко: «В завершение я хочу сказать о том, чего ожидали миллионы украинских патриотов и много лет. Я подписал указ “За нерушимость духа в отстаивании национальной идеи и проявленные героизм и самопожертвование в борьбе за независимое украинское государство постановляем: присвоить звание Героя Украины с удостоиванием ордена Государства Бандере Степану Андреевичу”. Слава Украине!»

«Для получения награды, которая передается потомкам Степана Андреевича, приглашается внук Степана Бандеры Степан Бандера».

С. Бандера: «Уважаемый господин Президент! Уважаемое общество! Для меня большая, скажу, огромная честь принять от имени семейства и потомков Степана Бандеры этот орден. Наконец, произошло то, чего ждали десятилетиями: украинское государство признало героический чин Степана Бандеры из сотен тысяч украинских патри-

отов, которые пали за это государство. Таким образом, этот орден – могучий акт исторической справедливости, утверждающий правду и новую эпоху Украины, о которой мы все мечтаем. Это Ваше решение, господин Президент, — это решение украинского государства. Благодарю за этот важный исторический шаг и Ваши великие заслуги перед Украиной».

Внук Степана Андреевича Бандеры тоже Степан Бандера. История, похоже, повторяется. Дай Бог, чтобы на этот раз в виде фарса, а не в виде трагедии.

И всё-таки последствия разрастания идеологии неоколлаборационизма, с которыми мы сталкиваемся сегодня, в итоге превращаются в серьёзную геополитическую проблему. Но всё всегда начинается с робких всходов. Сначала это были общественные посиделки, потом научные конференции, на которых первоначально обкатывалась идеология духовного соработничества с историческими врагами нашей Родины. В этой связи особо зловеще смотрится проповедь ноколлораборационизма с церковного амвона. Истина конкретна. Обратимся к публикации «Слово на панихиде по генералу А. А. Власову и его сподвижникам 1 августа 2008 года»:

«Впервые, два года назад, в 60-летнюю годовщину казни генерала Власова и его сподвижников мы собрались вместе — те немногие, кто в своей душе нёс память об этих людях. Тогда, пытаясь напомнить всем нам, кем же были эти люди, я попытался нарисовать портреты четырёх из них — самых ярких, самых разных, и попытался поставить вопрос о том, кем же они были — героями или предателями? Как мне кажется, тогда мы все согласились с одним: они были предатели четверть века своей жизни, создавая коммунистический режим. И они попытались стать героями (но не стали таковыми), повернув своё оружие против большевизма в годы Второй мировой войны. Героями они так и не стали, как не стали они солдатами, которым довелось вступить в действительное противоборство с большевизмом на поле брани. Они стали жертвами, пополнив те многочисленные жертвы XX

века, которые принесла Россия на алтарь искупления своего великого исторического греха перед Богом»¹⁴.

Мы видим, что в Санкт-Петербурге всё начиналось с проповедей отца Георгия Митрофанов в Институте усовершенствования учителей. Там, в домовый церкви, он произносил проповеди на 60-ю годовщину незаконной казни Андрея Андреевича Власова, потом на 61-ю и т.д.

Политическая психология учит, что для вхождения общества в состояние идеологического кризиса необходимо равенство сил между противоборствующими идеалами и антиидеалами. В результате все мероприятия взаимно блокируются, ничего не может быть реализовано, и общество оказывается в состоянии паралича. Именно такое положение наиболее благоприятно для последующего разрушения социальной системы.

Не удивительно, что к исходу XX века в нашей стране ключевыми идеологическими фигурами становятся те, кто смог противопоставить прежним идеалам новые антиидеалы. В этом отношении весьма символично, что на всём постсоветском пространстве исключительную известность приобретает советский разведчик-перебежчик Резун («Суворов»). Его «ледокольная» библиотека выходила в свет огромными тиражами, деморализуя обывателя, который теперь был смущён даже в отношении самого героического события отечественной истории и постепенно начинал путать агрессора с защищающейся стороной. Так устанавливалось блокирующее равенство между «суворовским» антиидеалом и идеалами поколения победителей, объединявшими все народы бывшего СССР.

Сегодня лишь знатокам нацистской истории очевидно, что важнейшие идеи Резуна («Суворова») заимствованы из речи Гитлера от 22 июля 1941 года. Обычный постсоветский обыватель, никогда не слушавший и не читавший нацистских речей, уже готов в равной мере

¹⁴ Митрофанов Г. Н. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: «Моби дик», 2009, с. 155.

возлагать ответственность за Вторую мировую войну и на сталинский СССР, и на гитлеровскую Германию. Ярким примером ретрансляции гитлеровских идей в современных российских условиях может служить и последняя книжка Г. Х. Попова «Вызываю дух генерала Власова», где от имени повешенного говорится:

«...Нам внизу было ясно — это подготовка удара по Румынии с целью захвата нефтяных месторождений. Это поставило бы Гитлера в самую жёсткую зависимость от Сталина и повлияло бы на делёж мира между этими двумя социалистами»¹⁵.

Сравним это измышление с тем, что утверждал вождь Третьего рейха в день вторжения в СССР: «Der bedrohliche Angriff Rußlands gegen Rumänien sollte ebenfalls im letzten Grunde nur der Aufgabe dienen, diese wichtige Basis nicht nur des deutschen, sondern des wirtschaftlichen Lebens ganz Europas in die Hand zu bekommen oder unter Umständen wenigstens zu vernichten»¹⁶ («Угрожающее нападение России на Румынию имело также главной задачей захватить в свои руки важнейшую базу не только германской, но и европейской хозяйственной жизни или по меньшей мере уничтожить её»)¹⁷.

На протяжении нескольких лет после публикации первых книг Резуна («Суворова») общество, по сути, погрузилось в безмолвные раздумья. Запоздалые книги-опровержения не принесли должного социально-психологического эффекта. При этом для эмоционального сокрушения «ледокольной» теории «вынужденной агрессии» достаточно было бы обратиться к сборнику песен Гитлерюгенда «Uns geht die Sonne nicht unter», изданному ещё в 1936 году, и ввести в массовое сознание хотя бы одну из популярных немецких песен 30-х годов:

¹⁵ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2008, с. 39.

¹⁶ Гитлеровское обращение «Der Führer an das deutsche Volk» было зачитано доктором Йозефом Геббельсом 22 июня 1941 года.

¹⁷ Гитлер А. Речь 22 июня 1941 года // «Волшебная гора», II, М.: РИЦ «Пилигрим», 1994, с. 137.

Du, kleiner Tambur, schlage ein!
Nach Moskau wollen wir marschieren!
Nach Moskau wollen wir hinein!
Der Bolschewik soll unsre Kräfte spüren!
Am Wege wilde Rosen blühn, ja blühn
Wenn Hitlerleut' nach Rußland ziehn¹⁸.

Ты, юный барабанщик, бей!
Мы на Москву идти желаем!
Войти в Москву хотим скорей!
Пусть силу большевик узнает!
Попутно розы расцветут, да, расцветут,
Коль люди Гитлера на Русь пойдут.

Ещё раз подчеркнём, что эта песня стала широко использоваться для воспитания гитлеровской молодёжи за пять лет до нападения Германии на нашу страну.

Публикация в 2007 и 2008 годах коллективных монографий «Правда Виктора Суворова» и «Правда Виктора Суворова–2» свидетельствует о том, что заинтересованность в поддержании «суворовского» антиидеала на постсоветском пространстве сохраняется до сих пор. При этом сама фигура советского разведчика-перебежчика и сегодня недостаточно масштабна для его превращения в подлинного антигероя. Препятствием является и достаточно скромное воинское звание бывшего ГРУшника и непритязательность его устной речи, по сравнению с публикуемыми за его подписью письменными текстами.

Естественно, что в условиях не прекращающейся на всём постсоветском пространстве информационно-психологической войны, встал вопрос и об историческом персонаже, который мог бы, в каче-

¹⁸ Uns geht die Sonne nicht unter. Lieder der Hitler-Jugend. Herausgegeben vom Obergebiet West der Hitler-Jugend. Hornung, 1936, S. 31.

стве блокирующего антиидеала, противостоять маршалу победы Г. К. Жукову (1896–1974). Таковым в год 65-летия разгрома гитлеровской Германии в Великой Отечественной войне был избран перешедший на сторону нацистов генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов (1901–1946). Как тут не вспомнить антижуковские строки из нашедшей книги «Трагедия России. “Запретные темы” истории XX века»: «...Не изменивший своей присяге унтер Г. К. Жуков и не недоучившийся семинарист И. В. Сталин, а другой недоучившийся семинарист — А. А. Власов в годы войны по существу предпринял реальные и достаточно быстрые шаги, направленные на то, чтобы вернуть русскому воину память о Христе»¹⁹. (С этими словами, наверное, можно было бы согласиться, если трактовать их в том смысле, что всякое воспоминание о хриstopродавце Иуде возвращает нас к памяти о преданном им Господе).

Для людей Иудина склада предпочтительность измены по сравнению с верностью лишь косвенно связана с психическими ориентациями как на самосохранение, так и на приобретение. «Καὶ ῥίψας τὰ ἀργύρια εἰς τὸν ναὸν ἀνεχώρησεν, καὶ ἀπελθὼν ἀπῆγγατο»²⁰ («И, бросив серебряники в храм, удалился; и ушел и повесился»²¹. От Матфея, 27, 5). Многочисленные факты бескорыстного предательства собственной Родины известны контрразведчикам всех стран мира.

Порочность процитированного митрофановского текста заключается не только в том, что верность присяге и измена Родине поменяли в нём свои места. Куда чудовищней суждение автора о том,

¹⁹ Митрофанов Г.Н. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: «Моби дик», 2009, с.153.

²⁰ Novum Testamentum Graece et Latine. Textum Graecum post Eberhard et Erwin Nestle communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini, Bruce M. Metzger... 3. neubearbeitete Auflage. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 1994.

²¹ Синодальный перевод: «И, бросив серебряники в храме, он вышел, пошел и удавился». – Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на славянском и русском языках. Изд. 38-е. СПб., Синодальная типография, 1890, с. 129.

что до подлинного героизма власовцы не дотянули по той причине, что не вступили «в действительное противоборство с большевизмом на поле брани». Стало быть, «проповеднику» мало 27-ми миллионов погибших советских граждан! Стало быть, в мечтах ему потребны дополнительные смерти!

Презентация в Санкт-Петербурге книги, которую мы дважды цитировали, была приурочена к 22 июня 2009 года. Если учесть, что презентация состоялась в самом центре города у Московского вокзала, рядом с обелиском, воздвигнутым в честь победы в Великой Отечественной войне, то не сложно разгадать провокационный характер презентационных мероприятий. «Санкт-Петербургские ведомости» и «Невское время», «Новый Петербург» и «Радонеж», «Советская Россия» и «Ваш тайный советник», «Православный Санкт-Петербург» и «Известия» — вот лишь неполный перечень газет, которые откликнулись критическими статьями на апологетику коллаборационизма.

Реакцией на такую отповедь стало заявление в защиту власовцев Синода Русской Православной Церкви за рубежом, проект которого, что особенно любопытно, тоже был подготовлен в культурной столице России.

Невольно возникает вопрос: какую цель преследовали те, кто сначала провоцировал массовое возмущение, а потом организовывал в ответ на него защитные акции из-за рубежа? Ответ предельно прост: расколоть Русскую Православную Церковь, ставшую после объединения РПЦ и РПЦЗ единой.

Делом всей жизни покойного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, как и в Бозе почившего Митрополита Лавра, было объединение Церквей-сестёр. Тем самым, впервые после гражданской войны был положен конец духовному расколу между православными русскими людьми, оставшимися на Родине или же волею судеб оказавшимися за рубежом. Вновь расколоть русский мир — задача геополитического масштаба. И противники этого мира осознают её значимость.

Провоцирование вторичного раскола между РПЦ и РПЦЗ втройне опасно ещё и потому, что может вызвать процесс внутреннего разделения Русской Православной Церкви (речь идёт о сложнейшей ситуации на Украине, в Грузии, в Молдавии). Таким образом, современные игры во власовщину превращаются (как и семь десятилетий тому назад) в неигрушечное предательство национальных интересов.

Склонность к предательству в большинстве случаев относится к иррациональным человеческим влечениям, которые осмысляются обычно уже задним числом:

«Предавал ли Хрущёв Сталина? — мудро вопрошает в своей книге «Вызываю дух генерала Власова» Г. Х. Попов. — Предательством или патриотизмом была расправа Хрущёва над Будапештом? Предательством или патриотизмом была передача Хрущёвым Мао Цзэдуну списков всех наших агентов в Китае? А война Брежнева в Афганистане? А подавление им же Праги? А брошенные Горбачёвым постсоветские лидеры и десятки тысяч функционеров в странах Восточной Европы без малейших попыток защитить их — хотя бы предоставлением советского гражданства? Предавали или нет Ельцин и все мы свою партию, войдя в Межрегиональную депутатскую группу?»²² Все эти не лишённые глубины риторические вопросы задаются Г. Х. Поповым лишь с одной целью: чтобы под конец своей книги по отношению к изменнику Власову торжественно провозгласить: «И Вы — настоящий патриот. Вы боролись за выход из социализма»²³.

Как тут не увидеть в писаниях бывшего коммуниста из Межрегиональной депутатской группы лишь вывернутые на изнанку заветные ленинские мысли о поражении своего правительства в империалистической войне: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству»²⁴.

²² Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2008, с. 195 – 196.

²³ Попов Г. Х. Указ. соч., с. 200.

²⁴ Ленин В. И. О поражении своего правительства империалистической войне // ПСС, Т. 25, М., 1973, с. 1.

Тут мы и подходим к самой серьёзной проблеме, связанной с современной апологетикой коллаборационизма, — проблеме экспорта цветных революций на постсоветском пространстве. Подобно тому как в XX веке для организации социалистических революций были жизненно необходимы профессиональные революционеры, так и для удачного экспорта «померанчевых», «бархатных» и прочих революций необходимы коллаборационисты, способные к «конструктивному сотрудничеству» с зарубежными посольствами и спецслужбами. Такие кадры выращиваются не только посредством финансовых влияний, но и с помощью соответствующей идеологической обработки.

Современный мир уже давно оценил гениальность оруэлловской формулы: «Кто контролирует прошлое — контролирует будущее, кто контролирует настоящее — контролирует прошлое»²⁵. Похоже, что контролёры будущего, как в нашей стране, так и за рубежом, героизируя А. А. Власова, были бы рады воспитать в России новое поколение коллаборационистов.

Наконец, хотелось бы затронуть один недавний случай в Северной столице, который имеет непосредственное отношение к теме.

Немногим больше года тому назад в Санкт-Петербурге на Петрозаводской улице в Институте истории Российской академии наук, состоялась защита апологетической по отношению к Власову и власовской армии докторской диссертации Кирилла Михайловича Александрова. Конечно, поскольку уже к весне 2016 года миллионы людей в нашей стране насмотрелись телевизионных передач, посвящённых трагическим событиям на Украине, возникло осознание, какую страшную суть таит в себе идеология неоколлаборационизма. Поэтому многие петербуржцы реагировали достаточно активно. Перед Институтом истории на Петрозаводской улице появились пикеты, но, главное, на протест против диссертации К. М. Александрова (это, конечно же, был подвиг) поднялись последние ветераны

²⁵ Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. Сказка. Пер. с англ. Д. Иванова, В. Недошивина. Пермь, Изд-во «КАПИК», 1992, с. 31.

Великой Отечественной войны. Самым молодым из них было под 90 лет, а самым старшим за 90. Значит, эти люди, преодолевая физические недомогания, усталость, пытались повлиять на итоговое решение Учёного совета. Как бы вы думали, чем закончилось голосование по этой диссертации? 17 против 1 в пользу генерала Власова. Лишь один член Учёного совета проголосовал против. Возможно, директор решил подстелить соломки и так проголосовать, как бы чего не вышло. Тем не менее ведущее историческое учреждение Ленинграда, Институт истории Российской Академии наук, проголосовал за власовщину. Возможно, вы подумаете: «Тут перед нами выступает реакционный профессор, весь напичканный идеологемами советского времени, который не понимает, что это было творческое исследование, созданное на богатейшем архивном материале». Ничего подобного. До защиты Кирилла Михайловича Александрова Росархив выпустил 3 огромных тома документов, посвящённых предательству генерала Власова, однако соискатель учёной степени, доктор наук, проигнорировал эти 3 тома. Во-первых, ему было неудобно это сделать, потому что они вышли, когда он уже прошёл предзащиту. Во-вторых, там были такие документы, которые не позволили бы ему выставить Андрея Андреевича Власова в привлекательном виде и позиционировать власовщину как проявление социальной борьбы против сталинского режима. Мы прекрасно знаем, что в 41-м, когда Власов удостоился личных встреч с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, ничего, кроме восторженных писем об этой встрече, своим любимым женщинам он не направлял. Поэтому говорить о какой-то антисоветской идейной позиции здесь не приходится.

Можно задать вопрос: а почему Андрей Андреевич предал не в 41-м году, а только в 42-м? Здесь мы должны распрощаться ещё с одним историческим мифом. Дело в том, что самым страшным в истории Великой Отечественной войны был не 1941-й, а 1942-й год. В 41-м году Красная Армия выполнила свою важнейшую стратегическую задачу. Выполнила её, сорвав планы блицкрига, а в 42-м году Гитлер решил

взять реванш и во многом преуспел. Тут-то генерал-лейтенанту Власову и показалось, что война СССР проиграна. В итоге он решил перейти на сторону противника. Героизация Власова, предателя нашей Родины, предпринятая К. М. Александровым, есть чистейшая фальсификация истории. Доказательством тому служат не только советские документы. Вспомним, что говорил о Власове рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Я имею в виду его речь в Бад Шахене от 14 октября 1943 года, которая записывалась на грампластинки.

Цитирую эту речь: «Если потом является русский, этакий перебежчик, позавчера ещё, возможно, подручный палача, а вчера назначенный Сталиным генералом, который с заносчивостью славянина делает теперь доклады и проталкивает установку, что Россию могут победить только русские, тогда я должен кое-что сказать: одной лишь этой установкой он выказывает, какая он свинья. Если бы он действительно был таким большим патриотом, за какового себя выдаёт, он бы этого даже не произнёс, — всё равно, нравится ли ему Сталин или нет». На мой взгляд, это уничтожающая характеристика не только для генерала Власова, но и для наукообразных писаний его современных российских апологетов.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И НРАВСТВЕННОСТЬ

В течение длительного времени в центре моей профессиональной деятельности лежали исследование и критика современного российского телевидения. Пришёл я в эту область, можно сказать, случайно. Одним из наиболее любимых мной периодических изданий ещё с советского времени была «Литературная газета». Я сам активно печатался в «Литературной газете», и перспектива работы в ней в качестве штатного сотрудника представлялась мне весьма привлекательной. «Литературная газета» всегда была известным и уважаемым изданием. Однако в 90-е годы её влияние стало уменьшаться, а тираж падать. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в это время редакция газеты стояла на ультралиберальных, прозападнических позициях. Ситуация изменилась в лучшую сторону в 2000-м году, когда главным редактором газеты стал Юрий Михайлович Поляков. С его приходом идеологическое направление газеты изменилось: оно стало пророссийским, либерально-консервативным. Либерализм в традиционном понимании этого слова — это вовсе не та идеология, которую можно найти на радио «Эхо Москвы». Редакционная политика «Эхо Москвы» — это псевдолиберализм. Настоящий либерал всегда готов выслушать своего оппонента, даже если он с ним не согласен, и никогда не позволит себе в дискуссии перейти на личности. На «Эхо Москвы» спикеры и публицисты, чья точка зрения не совпадает с точкой зрения редакции этой радиостанции, нередко подвергаются обструкции и навешиванию оскорбительных ярлыков, таких как «красно-коричневый», «фашист», «быдло», «вата». В этом отношении у «Литературной газеты» иная политика, она открыта для всевозможных мнений. В то же

время с начала 2000-х годов и до настоящего времени редакция «Литературной газеты» приветствует патриотизм, консервативные, семейные ценности, те ценности, которые теперь часто называют христианскими. Впрочем, известно, что в советское время «Моральный кодекс строителя коммунизма» во многом следовал христианской этике. Поэтому в некотором смысле не будет ошибкой сказать, что советская эпоха в отношении нравственных и семейных ценностей была вполне христианской. То же самое можно сказать и о современной «Литературной газете»: она опирается на тот же христианский нравственный фундамент и, исходя из этого, оценивает не только литературу и культурные события, но и всё, что происходит в мире.

Вскоре после вступления в должность главного редактора Юрий Поляков инициировал появление в «Литературной газете» раздела «ТЕЛЕВЕДЕНИЕ», посвящённого телевизионным передачам. Работой именно над этим разделом мне и предстояло заняться. Решение посвятить целый раздел газеты телевидению довольно необычно, потому что чаще всего в газетах пишут о телевидении на последней страничке: там размещается программа телеканалов, рецензируются и анонсируются фильмы и телепередачи. Впоследствии раздел «ТЕЛЕВЕДЕНИЕ» в «Литературной газете» стал одним из наиболее читаемых. Приглашая меня на работу, Юрий Поляков сразу предупредил о том, что телевидение — это поле битвы, поле яростной идеологической борьбы. Передача или фильм могут рассказывать зрителю о чём угодно, но то, как там трактуется российская история, события недавних лет, то, какой предстаёт жизнь, как изображается в фильмах и сериалах современный человек, значит очень многое. И эти трактовки нередко вызывают споры. В начале 2000-х годов российское телевидение отличало господство ультралиберальной идеологии, его знаковыми фигурами были такие люди, как Евгений Киселёв, Владимир Познер, Виктор Шендерович и Николай Сванидзе. Этим людей принято считать проводниками либерального мировоззрения, хотя в последние годы их взгляды часто прямо называют русофобскими. В

вопросах нравственности эти люди тоже были и остаются приверженцами не традиционных российских, а «европейских» ценностей, одно из положений которых заключается, например, в том, что однополые браки — это социальная норма и даже повод для гордости. Такая «нравственность», конечно, противоречит христианской морали, но всем предлагается её принимать как новую нравственность, которая должна поддерживаться законом и служить в качестве примера для подражания.

Своеобразный эксперимент по пропаганде гомофильской этики сейчас проводится в Европе и отчасти в США (в США в меньшей степени, так как во многих штатах отношение общества к гомосексуализму сугубо отрицательное). Средством распространения такой этики по всему миру служит массовая культура. Сейчас трудно сказать, к чему может привести этот эксперимент. Однако совершенно очевидно, что то отношение к жизни, к миру, отношение к собственной стране, народу и семье, которое будет продемонстрировано в телевизионной передаче, в кинофильме или телесериале сегодня, окажет огромное влияние на жизнь миллионов людей завтра.

Разница между телевидением и кино только в средствах доставки визуального образа. Можно сказать, что телевидение приходит в дом каждого человека без спроса, забирает у людей их время и тотчас продаёт его рекламодателю. В выигрыше остаётся тот телеканал, который сможет украсть больше зрительского времени. Конечно, эта кража происходит строго в рамках законодательства и с молчаливого согласия самого телезрителя, но от этого она не перестаёт быть кражей. Задача кино несколько сложнее: зрителя в кино нужно завлечь так, чтобы он пришёл в кинотеатр и осознанно отдал за билет свои деньги. Впрочем, нужно признать, что разница между кино и телевидением не принципиальна.

Какое-то время назад в обществе прошла сильная волна возмущения (вплоть до обращений в суд), связанная с обвинениями телевидения в безнравственности. Симптоматично, что почти все

судебные иски против руководства телеканалов на тот момент закончились ничем. Эпицентром борьбы стал спор о необходимости введения ограничений на контент телевидения, демонстрируемый до девяти вечера, то есть на фильмы и передачи, которые могут смотреть дети в так называемое «детское время». Николай Сванидзе, занимавший на тот момент пост председателя телерадиовещательной компании ВГТРК, выступил категорически против введения любых ограничений для телевидения, указывая на то, что для России «всё это рано». Всё ещё рано вводить общественные советы, аналогичные тем, что давно уже существуют во Франции или Англии, рано «ограничивать свободу слова», потому что общество для этого «ещё не созрело». Результатом многочисленных дискуссий стало то, что на экране появились специальные пометки для телепередач: 6+, 12+, 16+, обозначающие возрастной ценз для их зрителей. Однако это нововведение имело совершенно противоположный задуманному эффект: дети стали в ещё большей степени смотреть то, что им «нельзя». Как гласит известное выражение: «Запретный плод всегда сладок».

Работа в «Литературной Газете» сподвигла меня на то, чтобы тщательно исследовать телепроцесс, искать ключ к пониманию тех законов и механизмов, в соответствии с которыми функционирует современное телевидение. Главным объектом моего внимания стали зарубежные исследования. Выяснилось, что почти во всех странах Европы контролем над телевещанием занимаются специальные общественные советы. Кроме того, существенную помощь мне оказали работы французского социолога Пьера Бурдьё (фр. Pierre Bourdieu), специализировавшегося именно на изучении телевидения. Этот учёный заложил основы научного подхода к пониманию современного коммерческого телевидения. Его работы можно смело рекомендовать к ознакомлению всем интересующимся данной проблематикой, тем более что некоторые из них (хотя и не без труда) можно найти в открытом доступе в сети Интернет.

Телевидение — это прежде всего бизнес, а главное в любом бизнесе — конкуренция. Это аксиома рыночных отношений. Конкуренция игроков рынка теоретически должна приводить к тому, что продукт, предлагаемый ими потребителю, будет с течением времени становиться только лучше. Однако в отношении телевидения этот принцип не работает. Бурдьё доказал, что конкуренция на телевидении приводит не к улучшению качества конечного продукта, а к его ухудшению. Телевидение в погоне за зрителем начинает апеллировать к самым низменным страстям. Таким образом, то, что лучше «покупается» зрителем, зачастую оказывается вовсе не лучшего качества. Человек — существо не только высокодуховное, но ещё и животное, биологическое, со своими инстинктами и страстями, и телевизионные маркетологи знают это как никто другой. Коммерческое телевидение нацелено на получение рекламных денег. Программа должна вызвать у зрителя как можно больший интерес, как можно больше людей должны её посмотреть, таким образом она получит больший рейтинг и долю в эфире. Телевизионные рейтинги, распределение зрителей по возрастному, половому и имущественному принципу пристально изучаются специализированными исследовательскими компаниями. У нас в России это почему-то очень часто оказываются американские кампании. Этот факт, между прочим, вызывает удивление даже у самих работников отечественного телебизнеса: почему, например, Гэллап Медиа (англ. Gallup Media), одна из наиболее известных американских социологических компаний, исследует, кто и что смотрит в России, какие проценты аудитории у телеканалов «Россия», у «Первого канала», «ТВ-Центра», «НТВ»? В зависимости от рейтинга телепередач распределяются впоследствии и деньги, полученные телеканалами за рекламу: более высокий рейтинг означает большие деньги, а рейтинг, согласно Бурдьё, зависит не от художественных, познавательных или нравственных качеств передачи, а от её популярности, смотримости.

Предположим, есть некая передача, которая является интересной для зрителей и соответственно коммерчески успешной. За

счёт чего это достигается? За счёт людей, принимающих в ней участие, их мастерства, идей, особенных способов передачи информации. Но как только какая-то передача становится успешной, у многих сразу же возникает желание добиться аналогичного результата, сделать нечто похожее на то, что где-то уже имело успех. Это приводит к тиражированию, дублированию одних и тех же принципов, схем, идей, на которых строятся передачи. Есть прямое копирование, как, например, шоу «Голос». «Голос» — это голландское шоу, которое повторили во многих странах мира. Это лицензионное копирование. Другой пример: на телеканале появляется шоу, в котором артисты, ранее не умевшие танцевать, соревнуются в танцах на льду. Проходит совсем немного времени, и на другом телеканале артисты тоже начинают танцевать на льду. Потом танцевать, но уже не на льду. Потом не только танцевать. Думаю, идея понятна. Кроме того, все каналы активно эксплуатируют детей. Кто-то угадал с идеей, и все прочие каналы стали таким же образом собирать себе зрителей. Поэтому нередко получается так, что по сути одно и то же шоу транслируется на одном канале, на другом и на третьем. Например, недавно шоу типа детского «Голоса» шло сразу на трёх каналах: на «Первом канале», на «России» и на «НТВ». Почему? Потому что изобретать что-то новое, что-то своё — рискованно, это требует таланта и существенных затрат, а в случае использования чужих наработок риск минимален. Идея шоу «Голос» неплоха (поиск талантов), но возникает вопрос: почему почти все эти таланты поют по-английски? Неужели так мало песен на русском языке и на языках народов России?.. Конечно, среди шоу бывают исключения из правил в лучшую сторону, например, шоу «Ты супер!» на телеканале «НТВ». В нём тоже участвуют дети, но дети особенные, не те, которых родители проталкивают на ТВ со словами: «Давай, давай, будешь знаменитым!», а дети из неблагополучных семей, дети, у которых нет родителей. Это хорошее шоу, которое отличается от своего прототипа в лучшую сторону. Оно российское и сделано не по лицензии. Да, название этого шоу не самое лучшее, ведущий (Вадим Такменёв) тоже не идеален, но

шоу «Ты супер!» — лучшее среди всех ему подобных, потому что в нём принимают участие дети из детдомов, интернатов, дети с ограниченными возможностями, для которых участие в нём — это действительно шанс чего-то добиться. Для зрителей же просмотр этого шоу может принести удовлетворение от того, что своим вниманием они помогают этим детям.

Особое место на телевидении занимают общественно-политические ток-шоу. Но они, как и рассмотренные выше музыкальные шоу, почти все похожи друг на друга. Здесь тоже есть конкуренция, и, к сожалению, она тоже не приводит к улучшению качества. Во всех шоу на разных каналах появляются одни и те же лица, они переходят из передачи в передачу. Например, появился на экране хороший эксперт, интересно и аргументированно излагающий свою точку зрения, но через некоторое время его начинают показывать и по другим каналам, и зрителю это быстро надоедает. Но приглашать новых, «неиспытанных» экспертов — всегда риск, и каналы идут на это крайне неохотно.

Несколько лет назад в «Литературной газете» активно критиковали Владимира Соловьёва¹ за то, что он приглашает в эфир исключительно «либералов». Однако постепенно ситуация изменилась. Возвращение Крыма (недавно мы праздновали трёхлетие его воссоединения с Россией) кардинально изменило политику телевидения почти на всех каналах. На экране появились новые лица: Сергей Михеев, Иван Стариков и многие другие. Они появились, заполнили «вакансии», и снова начался застой. Ротации на телевидении не происходит. На роль «либералов» выбрали Сергея Станкевича и Бориса Надеждина, а в качестве представителей Украины почти повсеместно показывают Вячеслава Ковтуна и Вадима Трюхана. Эти люди исполняют функции мальчиков для битья, они выражают свою точку зрения, а потом пророссийски настроенные гости передачи предсказуемо на

¹ Владимир Рудольфович Соловьёв — российский журналист, шоумен, теле- и радиоведущий.

них «набрасываются». Конечно, Ковтуны и Трюханы позволяют себе оскорблять нашу Родину, клеветать на Россию, и очень многих телезрителей это возмущает. Чтобы телезрителю передача была интересна, в ней должен быть конфликт, и с этим трудно не согласиться. Если на телевидении, на всех каналах будет, как в советское время, транслироваться лишь одна, «единственно правильная» точка зрения, это будет плохо во многих отношениях.

В то же время советскому телевидению нужно отдать должное. Конечно, у него были свои недостатки, но было и принципиальное позитивное отличие от телевидения современного. Советское телевидение имело своей главной целью воспитать человека образованного, знающего, нравственного, по всем канонам тогдашней коммунистической идеологии. И сотрудники телеканалов стремились к этой цели, делали всё, чтобы сделать человека лучше, помочь ему стать образованнее. Конечно, были скучнейшие передачи, например, «Ленинский зачёт», но основная идея была просветительская, и это было гораздо благороднее идеи стяжательства, которая господствует ныне. Один из наиболее ярких и положительных примеров советского телевидения — программа профессора Сергея Капицы «Очевидное невероятное». «КВН» и «Что? Где? Когда?» — передачи, которые тоже появились в то время и которые живут до сих пор. Просветительские, образовательные передачи приносили пользу. Если мальчик, проживающий, предположим, где-то в Сибири, в маленьком городке, хотел изучить иностранный язык, услышать иностранную речь, чтобы узнать, как правильно говорить по-немецки, по-английски или по-французски, то он мог включить 4-й канал (образовательный) и научиться. В этом смысле телевидение было демократичным. Не обывательским и мешанским, а народным. У современного телевидения этого качества нет. Считается, что просветительское ТВ не даёт рейтинга. Но кто даёт телевидению рейтинг? Заветные 20% или, когда идут футбольные чемпионаты, 30%? Или во время Олимпиады — 40%? Больше 40% населения у телеэкранов не бывает. Кто эти 20% постоянных телезри-

телей? Это домохозяйки и пожилые люди. Современное телевидение ориентировано на них. Советское же телевидение, как ни странно, было устремлено в будущее. В советское время практически никто не смотрел пропагандистские передачи. В связи с этим даже бытовал анекдот: «Включает человек первую программу — там Брежнев, вторую программу — там опять Брежнев, третью программу — тоже, четвёртую — там сидит диктор и говорит строго: «Я тебе попереключаю!»» Пропанду не смотрели, а смотрели то, что было интересно, то, что приносило пользу. Родители нередко звали детей к телевизору, чтобы те посмотрели что-то хорошее и интересное — кино, телеспектакль, «Клуб кинопутешествий». Телевидение было познавательным. Сейчас на телевидении этот принцип просвещения почти не встречается, хотя и существует канал с похожим названием. Просвещение требует затрат, а представители телеиндустрии заинтересованы в том, чтобы зарабатывать.

В России существуют только два некоммерческих федеральных канала — «Культура» и «Общественное телевидение России». Процент смотрящих их телезрителей очень невелик. Возможности «Первого» и других коммерческих каналов несоизмеримо выше, что позволяет им делать яркие шоу и квалифицированно бороться за зрителя. Хороших передач на российском телевидении откровенно мало, в то время как всевозможные безнравственные шоу представлены в изобилии. Например, «Пусть говорят» — передача, в которой люди демонстрируют свои худшие качества, где говорят о пороке так, что у зрителя возникает желание этот порок испытать. Это типичный случай использования «окна Овертона». Это «окно», которым постепенно, незаметно раздвигаются рамки дозволенного, то, чем в конечном итоге растлевается население и, прежде всего, молодёжь. Может быть, у телепродюсеров и есть какие-то благородные цели, но главная и очевидная их задача — заработать деньги. Поэтому, чтобы привлечь зрителя, они стремятся показать нечто совершенно небывалое, такое, что конкуренты ещё не показывали. Так, на «Первом канале» четыре выпуска передачи «Пусть

говорят» были посвящены некой Диане Шурыгиной. Этот человек стал популярнее, чем императрица Екатерина, про которую шёл сериал на канале «Россия 1». Диана — жертва изнасилования, то ли добровольно, то ли по принуждению вступившая в сексуальную связь. И четыре выпуска этой передачи, выходящей в прайм-тайм, гости студии обсуждали этот сюжет. На том же канале в эти же дни в программе «Время» показывали Патриарха Кирилла, президента Путина, которые говорили о нравственности и патриотизме... Конечно, на словах ведущий шоу «Пусть говорят» осуждает порок, но при этом каждый зритель видит, что это осуждение деланное, фальшивое. Людям интересно увидеть, что кто-то живёт хуже них, грязнее. Борьба за рейтинг приводит к тому, что в этическом плане телевидение опускается всё ниже и ниже, и средств бороться с этим очень мало.

Упомянувшийся Николай Сванидзе и поныне остаётся одной из видных фигур российского телевидения. Он член Совета по правам человека при президенте России, убеждённый противник любых возможных ограничений телевизионного контента. Николай Сванидзе закончил исторический факультет МГУ и поэтому называет себя историком, хотя как историк этот человек не имеет на своём счету никаких научных открытий, званий и степеней. Более того, он даже не преподавал историю в школе, но при этом снимает передачу, которая называется «Исторические хроники». И такой «историк» регулярно рассказывает телезрителю о том, как нужно относиться к тем или иным деятелям и событиям российской истории. В этом отношении очень показателен эпизод, когда в передаче «Суд времени» Николай Сванидзе рассказывал о том, как во время депортации 1944 года войска «Смерш» в чеченском ауле Хайбах якобы сожгли амбар с сотнями людей. Это совершенно недостоверная история, прямо скажем, фальшивка, но Сванидзе говорит о ней как об историческом факте. Безусловно, ситуация с депортацией чеченцев и ингушей очень сложная, так же как с выселением крымских татар. Но историки смотрят на это выселение по-разному: выселение или спасение? Многие указывают

на то, что значительная часть чеченского и крымско-татарского населения действительно сотрудничала с фашистами. Их могли судить по закону военного времени, но вместо этого их просто выселили вместе с семьями, а потом они приехали на своё место, вернулись на родину. Они не погибли, и численность этих народов за время пребывания в ссылке только увеличилась. Так, доктор исторических наук Юрий Николаевич Жуков по поводу выселения крымских татар указал на то, что эта депортация не геноцид, а «спасение народа». Потому что если бы мужчин, сотрудничавших с нацистами, по закону военного времени расстреляли, то их семьи остались бы без кормильцев, и они в Крыму, в голодное послевоенное время, просто бы вымерли. Но их всех перевезли в Казахстан, создали им какие-то условия для жизни, и они выжили. Так что это очень сложная, драматическая и неоднозначная ситуация. Но Николай Сванидзе в своих «Исторических хрониках» всё время рассказывал лишь одну «правильную» с его точки зрения версию русской истории, ту, в которой Россия всегда и во всём оказывалась виновата.

На всём российском телевидении есть лишь один человек, берущий большое политическое интервью, — это Владимир Познер. Это человек с тремя гражданствами, долгое время проживавший в Америке, но именно он определяет на нашем телевидении политику в жанре большого политического интервью. В одном из своих фильмов Познер так говорил о своём отношении к России: «Да не люблю я её. Францию люблю, Америку меньше, но тоже люблю, а Россию не люблю». Представляется странным, что человек с такими взглядами берёт интервью у высшего политического руководства нашей страны, например, у министра обороны Сергея Шойгу. Любопытно, что отец Владимира Познера был коммунистом, который работал в США в кинобизнесе и который, по всей видимости, являлся советским разведчиком. Он уехал из США, когда там развернулось движение маккартизма, переселился вместе с семьёй в СССР и продолжил работу в кино и на телевидении, делал весьма хорошие советские фильмы.

Почему-то в России такие ситуации не редкость: отец — советский патриот, коммунист, а сын не разделяет взглядов отца. Например, Сергей Смирнов и его сын, режиссёр Андрей Смирнов. Сергей Смирнов был замечательным писателем, который открыл тему Брестской крепости, вёл в 60-е годы замечательные патриотические передачи о героях войны, а его сын — совсем другой. Ещё один пример: Ефим Учитель, лауреат Сталинской премии, прославился как выдающийся советский режиссёр-документалист, и его сын Алексей Учитель, который за последнее время получил известность благодаря скандальному фильму «Матильда». Такие примеры можно приводить и дальше.

Отступая от темы, можно указать на то, что Советский Союз совсем не обязательно должен был распасться. Советский Союз рухнул на радость немногим и на беду большинства его граждан. Демократия — это, конечно, прекрасно, но чем структурно Советский Союз отличается от России теперешней? Фактически ничем. Сейчас в России точно так же есть и национальные окраины, и союзные республики. Те, кто утверждает, что распад Советского Союза был неминуем, грешат против истины. Высказываются мнения, что СССР, словно «Титаник», обязательно бы разбился, так как его нельзя было реформировать. Что можно на это возразить? Конечно, если экипаж суперсовременного, мощного корабля с энтузиазмом ведёт своё судно на айсберги, то оно должно разбиться. Если штурман и капитан корабля такие, как Александр Николаевич Яковлев и Михаил Сергеевич Горбачёв, то серьёзные неприятности неминуемы.

Вот историческая тема из далёкого прошлого. Сравнительно недавно на «Первом канале» показывали сериал «Великая», посвящённый Екатерине II. В этом сериале были показаны первые деяния её блистательного века. А годом ранее на канале «Россия 1» шёл сериал «Екатерина», в котором рассказывалось о том, как Екатерина шла к власти. То есть было два сериала: на «Первом канале» Екатерину играла Юлия Снигирь, а на канале «Россия 1» — Марина Александрова.

Возникает резонный вопрос: почему два сериала об одном и том же на двух главных каналах вышли с таким небольшим временным интервалом? Всё по Пьеру Бурдьё: повторяются хорошие идеи. По той же самой причине, по которой почти идентичные шоу одновременно демонстрируются на нескольких каналах.

Телевидение — это в своём роде привилегированное, государствообразующее предприятие. Поскольку оно в правильном ключе освещает «политику партии и правительства», в развлекательном сегменте ему разрешается зарабатывать деньги каким угодно способом. Поэтому ему позволено показывать «Пусть говорят» или «Прямой эфир» (абсолютно аналогичная программа на канале «Россия 1»), или точно такую же передачу «Говорим и показываем» на «НТВ» и им подобные.

В оценке телепродукции, по моему глубокому убеждению, главное — это понимать, вредная она или нет. Однажды к режиссёру Андрею Михалкову-Кончаловскому пришёл его сын Егор Кончаловский, тоже режиссёр, и показал ему свой фильм «Антикиллер». Отец посмотрел фильм и сказал такую вещь: «Фильмы, сынок, бывают хорошие, бывают плохие, бывают талантливые, а бывают... вредные. Вот такой фильм ты, сынок, и снял». Для примера можно взять фильм «Экипаж» режиссёра Николая Лебедева. Вредный ли он? Конечно, сюжет фильма не идеален: люди не могут в полёте перемещаться из одного самолёта в другой, но, тем не менее, сам фильм хороший. Во-первых, потому что главный герой — хороший честный парень, борец за справедливость. Во-вторых, потому что спастись действующим лицам этого фильма удаётся за счёт того, что, когда возникла роковая ситуация, все (и пассажиры, и лётчики) объединились. На одном самолёте все проголосовали «за»: за то, что они будут рисковать собой, но попытаются спасти товарищей. Ситуация, которая описывается в фильме, вымышленная, но, когда я смотрел этот фильм, у меня на глазах были слёзы, я сопереживал, я хотел, чтобы все персонажи перебрались во второй самолёт и спаслись. В этом фильме одну из ролей, неболь-

ших, но очень важных, играл мой товарищ — Дмитрий Золотухин, который когда-то играл Петра I в советском сериале «Начало славных дней», а здесь он играл главного злодея, совладельца авиакомпании. Это была маленькая роль, но в ней прекрасно была показана «нравственная низость» такого рода людей. Когда этот персонаж говорит в финале фильма «Я вас услышал», становится страшно от понимания того, сколько же на самом деле есть таких чиновников, таких «хозяев жизни». И это было пронзительно: противостояние лётчиков-героев и спасённых пассажиров стихийным бедствиям и не менее героическое их противостояние классу таких «совладельцев». Говорят, что у создателей фильма были сомнения относительно его последнего эпизода, они опасались того, что этого чиновника из фильма вырежут, потому что он очень на многих похож, но режиссёр Николай Лебедев оставил всё, как есть. Таким образом, фильм «Экипаж» не только не вредный, но ещё и удивительно современный и остросоциальный.

Работа того же режиссёра — фильм «Легенда №17». И это тоже очень хороший фильм: в нём тоже есть герой, борьба, преодоление обстоятельств. Конечно, многие препятствия там выдуманные, но всё равно это отличный фильм. А вот фильм «Сталинград» Фёдора Бондарчука весьма неоднозначен. На первый взгляд, это неплохой фильм про войну, сильно снятый, но к какому разряду его можно отнести? В отличие от своего отца, Бондарчук-младший «сдал» Сталинград. Советские войска здесь форсируют Волгу в то время, когда в Сталинграде уже находятся немцы. Но ведь общеизвестно, что Красная армия никогда не сдавала весь правый берег, там оставались не то что очаги сопротивления, там оставался плацдарм. Далее в фильме «Сталинград» имеется выдуманная коллизия, противостояние: боец Красной армии и немец. Они яростно борются между собой, но в итоге никто из них не побеждает, а потом, через много лет, они встречаются. Получается, что в этом фильме фашист, агрессор, который пришёл на нашу землю, в нравственном отношении фактически уравнивается с советским солдатом. Кроме того, и сами наши бойцы в фильме вы-

ставлены не в лучшем свете. Они зачем-то убивают русскую, которая поневоле стала любовницей немца. По совокупности перечисленных обстоятельств, «Сталинград» скорее вредный фильм. После его выхода в «Литературной газете» эти претензии тоже были упомянуты, и на них последовала очень живая читательская реакция. Оказалось, что, несмотря на то, что очень многие люди пошли смотреть этот фильм, он собрал очень много негативных откликов. Подводя итог, следует сказать, что если демонстрировать такое отношение к нацистам и нацизму, как в фильме «Сталинград», то рост симпатий к этой преступной идеологии можно считать неизбежным.

Точно так же массу негативных впечатлений у зрителей вызвал недавно вышедший в прокат фильм «Викинг». «Первый канал», который его финансировал, обеспечил этому фильму весьма мощную рекламную поддержку, но даже это не помогло вернуть вложенные в этот кинопроект средства, в отличие от «Экипажа» и «Легенды №17», которые оказались коммерчески успешными. Как ни странно, именно патриотизм оказался рентабелен, в отличие от того «дуализма», от той амбивалентности, которую нам продемонстрировал господин Эрнст², стремившийся угодить «и нашим, и вашим».

Рассмотрим в этом контексте упомянутый выше сериал «Екатерина»: вредный он или нет? В конечном итоге — нет. Да, в этом сериале много постельных сцен, действующие персонажи ходят без повсеместных для той эпохи париков, на лицах мужчин модная современная небритость, а у дам — чрезмерные декольте. В историческом аспекте фильм имеет множество неправдоподобностей, но в сериале показано главное: то, какой колоссальный политический вес имела императрица, и то, что её усилиями Крым и Новороссия всё-таки вошли в состав России. При просмотре некоторых эпизодов этого сериала приходит понимание, что у его создателей были опасения, что без рассказа о любовных связях Екатерины II сериал не будет пользоваться успехом.

² Константин Львович Эрнст — продюсер, телеведущий, сценарист, генеральный директор «Первого канала».

Конечно, у Екатерины было много фаворитов, но её фавориты были и выдающимися политическими деятелями. Например, Григорий Орлов возглавлял заговор против Петра III. В этом же заговоре участвовал и Григорий Потёмкин. В действительности Екатерина и Потёмкин познакомились совсем не так, как в сериале, где он — молодой офицер, едва ли не прапорщик. Когда они познакомились, Потёмкин уже был генералом. Он был ровесником Григория Орлова, но Орлов был более твёрдым в тот момент, когда следовало решить задачу устранения Петра III, который не был национально ориентированным политиком. Петр III был поклонником Пруссии и не смог воспользоваться теми достижениями, которых Россия добилась при Елизавете Петровне, но Екатерина, благодаря Григорию Орлову, смогла взять власть в свои руки. Григорий Потёмкин был не только любовником Екатерины, но и политическим деятелем огромного масштаба, человеком, который успешно решал все те сложнейшие государственные задачи, которые ставила перед ним императрица. Конечно, реальная история очень неоднозначна. В фильме, например, ничего не говорится о том, что Екатерина пришла к власти не только благодаря Орловым, но и при помощи английского посла, который долгое время снабжал её деньгами. Россия с Англией тогда не воевала, это противоречило её стратегическим интересам. Россия воевала с немцами, турками, французами. В дальнейшем, после смерти Екатерины II, её сын Павел I посчитал нужным заключить мир с Наполеоном Бонапартом, и заговор против Павла (как и против его отца) снова финансировали англичане. В итоге Павла I убили, и на троне воцарился его сын, внук Екатерины II Александр I, который опять же стал союзником англичан.

Век Екатерины чрезвычайно интересен в историческом смысле и увлекателен в романтическом: отношения между сановниками, любовные связи, страсти, интриги. И, конечно, всё это представляют собой отличный материал для телевизионного осмысления. Так, в некоторых передачах телеканала «Спас» очень интересно рассказывалось о людях той эпохи. Как уже говорилось ранее, в России два го-

сударственных телеканала без рекламы: «Культура» и «ОТР», третий телеканал без рекламы — «Спас», но он финансируется не государством, а Русской Православной Церковью. Далёкому от Церкви человеку смотреть этот канал может быть непривычно и даже трудно, и всё же, если у меня будет выбор: смотреть «Пусть говорят» или телеканал «Спас», я всё-таки предпочту «Спас». Помимо передач, повествующих о жизни Церкви, на «Спасе» можно увидеть и весьма познавательные исторические передачи, в том числе и о временах Екатерины, в которых повествуется о реальной истории и делается это, если можно так выразиться, «без излишних декольте».

Телевидение и киноискусство нуждаются в анализе. Ещё Ленин задавался вопросом: что самое важное для пропаганды большевистских идей, когда население неграмотное? Это цирк и кино. А сейчас, в наш информационный век, — это телевидение, радио и интернет. За последние десятилетия, кроме той революции, которая случилась в России в 1991 году (некоторые также называют её контрреволюцией или реставрацией капитализма), совершилась и мировая технологическая революция. Когда, передвигаясь в общественном транспорте, видишь, что глаза большинства людей смотрят не на то, что происходит вокруг, а в смартфон, то в полной мере осознаёшь, какая это колоссальная революция, смысл и значение которой нам ещё предстоит осмыслить. Известны, например, исследования, показавшие отрицательное влияние смартфонов на человека и, прежде всего, на детей, с точки зрения их здоровья и воспитания. Ребёнок, который бесконтрольно пользуется смартфоном, становится от него чрезвычайно зависимым, теряет связь с реальным миром. И это очень опасно. Но, с другой стороны, смартфоны предоставляют колоссальные коммуникативные возможности. Несомненно, что в скором времени при помощи таких аппаратов будут сниматься и монтироваться полноценные художественные фильмы, когда каждый сможет создавать своё собственное телевидение. И отчасти это будущее уже стало настоящим.

Но какие же передачи, какие телеканалы стоит смотреть неискушённому человеку сейчас? Могу сказать, что ещё совсем недавно совершенно неадекватный телеканал «НТВ» начал меняться, после того как в 2015 году оттуда ушёл гендиректор Владимир Кулистиков. Сейчас на «НТВ» постепенно идёт движение в сторону более здорового, более правильного контента. «Первый канал» — очень эстетский и амбивалентный («и нашим, и вашим»). У каналов «Лайф» и «РБК» имеется качественная и весьма оперативная информационная служба, однако чтобы иметь объективную информацию о событиях, её, конечно, следует черпать из нескольких альтернативных источников. Всегда нужно помнить, что не стоит всецело доверять никакому средству массовой информации. Человеку, каков бы он ни был, всегда свойственно стремиться к лучшему. Поэтому, делая любой выбор, делать его нужно осознанно и при этом обязательно прислушиваться к своему внутреннему голосу.

Научное издание

Тетради
Русской экспертной школы
№ 3/2017

Главный редактор

В. А. Щипков

Ответственный секретарь

Е. Е. Мамаев

Корректоры

Н. С. Щипкова

Вёрстка

К. Струков

Издатель

Русская экспертная школа

vk.com/ruseschool

ruseschool@yandex.ru

Подписано в печать 29. 05. 2017

Формат 60х84/₁₆. Объем 5,8 усл. печ. л.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в издательстве «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

Эксперты номера

Вассоевич Андрей Леонидович

профессор кафедры политической психологии СПбГУ, политолог,
д-р филос. наук, канд. ист. наук

Кондрашов Александр Иванович

редактор отдела «ТЕЛЕВЕДЕНИЕ» «Литературной газеты»,
писатель

Поляков Леонид Владимирович

заведующий кафедрой общей политологии
факультета прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики»,
д-р филос. наук

Рогозянский Андрей Брониславович

философ, публицист

Рыбас Святослав Юрьевич

председатель совета директоров Русского биографического института,
член Общественного совета при Министерстве культуры России,
писатель-историк

ISBN 978-5-98604-626-6

9 785986 046266